

Дневник Э. Лихтман: Рерихи в Кулу (1929-1934)

Alexandre Andreev

► To cite this version:

Alexandre Andreev. Дневник Э. Лихтман: Рерихи в Кулу (1929-1934). A.I. Andreev & Dany Savelli. Рерихи. Мифы и факты. Сборник статей, Нестор-История, pp.108-154, 2011, 9785981876950. <halshs-00964028>

HAL Id: halshs-00964028

<https://shs.hal.science/halshs-00964028>

Submitted on 23 Mar 2014

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

ДНЕВНИКИ Э. ЛИХТМАН: РЕРИХИ В КУЛУ (1929–1934)

А.И. Андреев

Эстер Лихтман (Esther Lichtmann) — одна из учениц и ближайших сподвижников Рерихов (до 1935 г.), член эзотерического рериховского кружка в Нью-Йорке. Дневники, которые Э. Лихтман вела во время двукратного посещения имения Рерихов в Индии (Наггар, Кулу) в 1929–1934 гг., а это полторы тысячи страниц довольно убогистого текста на русском и английском языках, являются ценнейшим источником сведений о Рерихах раннего индийского периода, практически не известном исследователям.

Об Эстер до ее приезда в Америку нам известно очень мало. В основном это то небольшое, что сама она пишет о себе в дневниках и о чем вспоминает дочь Луиса и Нэтти Хоршей Ориола Фешбах (Oriole Feshbach), считавшая Эстер своей «второй матерью». Родилась она 26 февраля 1892 г. в еврейской семье в старинном городке Каменец-Подольске (Каменец-Подольский) в Западной Украине. Ее настоящее имя Эсфирь. У Эстер было два старших брата. Одного из них звали Моисей (также как и отца), имя другого нам не известно.

С детства Эстер любила музыку, хорошо играла на фортепьяно. Летом 1913 г. отец отвез ее в Германию, в Дюссельдорф, где проживал один из ее братьев вместе с женой. Поселившись у своих родственников и изменив свое имя на Ента (Jenta), Эстер стала готовиться к поступлению в консерваторию в Кёльне. Тем временем другой ее брат, Моисей (род. 1888 г.), называвший себя на немецкий лад Морисом (Maurice), находился в Берлине, где обучался в знаменитой школе пианиста и педагога Леопольда Годовского. Там он познакомился и позднее женился на талантливой пианистке из Одессы, также ученице Годовского, Зинаиде Шафран (род. в 1889 г.). Вскоре после этого чета Лихтманов уехала в Америку, в Нью-Йорк. В Нью-Йорке Зина и Морис преподавали поначалу в Фортепьянном институте, созданном их учителем профессором Л. Годовским, а затем основали собственную музыкальную школу для детей¹. Находилась она в городке Мориях (Морайа, Moriah) под Нью-Йорком.

¹ См.: З.Г. Фосдик. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. По страницам дневника, 1922–1934. М.: Сфера, 2002. С. 7.

В кельнскую консерваторию Эстер не поступила, и ее жизнь в семье брата в целом была безрадостной из-за натянутых отношений с его женой. Много лет спустя, вспоминая этот период, она скажет, что ее невестка — «бедная, мучимая ненавистью душа», которая дала ей первые горькие уроки жизни. Она поняла, насколько непрочны «семейные узы», и что «превыше их есть узы духовные, которые человек обретает в друзьях». В своих дневниках Эстер сообщает, что виделась с родителями в последний раз в 1914 г., вероятно, до начала мировой войны. Два года спустя она переехала в Швейцарию (Женеву), где давала уроки музыки. А затем (в начале 1921 г.) перебралась в Нью-Йорк по приглашению Мориса.

С фотографии, прикрепленной к «Декларации иностранного гражданина, намеревающегося въехать в Соединенные Штаты», на нас смотрит очаровательная молодая блондинка с грустными глазами в широкополой светлой шляпе — Ента Лехтман, стоящая на пороге новой жизни в стране «американской мечты».

В Нью-Йорке Эстер поселилась у брата, проживавшего с женой на Манхеттене, вблизи Гудзона, по адресу: Riverside Drive 730, и сразу же примкнула к рериховскому кружку, который находился в процессе формирования и впоследствии получил название Круга сотрудников, или просто Круга. Напомню, что в его состав входили (помимо Рерихов) Зинаида и Морис Лихтманы, мать Зинаиды С.М. Шафран, журналистка Фрэнсис Грант (р. 1899), брокер нью-йоркской биржи Луис Хорш и его жена Нетти. Сблизил этих столь разных людей спиритизм, общение с духами, о чем я подробно рассказал в книге «Гималайское братство» (2008). Сеансы устраивались попеременно у Рерихов, Лихтманов и Хоршей. Ента принимала в них участие как полноправный член Круга, и ничуть не сомневалась, что дух-руководитель сеансов — это великий махатма Мория.

Летом 1921 г. вместе с Н.К. и Е.И. Рерих и другими членами Круга Эстер совершила поездку в Санта-Фе (штат Нью-Мексико), где открывалась выставка картин Н. Рериха. Это позволяет говорить, что она довольно быстро стала «своим» человеком в Круге, лицом, близким к Рерихам. И все же с Рерихами Эстер разделяла некоторая дистанция, которая обычно разделяет учителей и учеников. По-настоящему она сдружилась с симпатичной четой Хоршей, Луисом (Логваном) и Нетти (Порумой). После создания Н. Рерихом Мастер-Института объединенных искусств в конце 1921 г. (Школа в обиходе) Эстер стала преподавать там игру на фортепьяно для детей и подростков. Класс ее пользовался большим успехом — ученики, по словам О. Фешбах, «обожали» Эстер².

Л. Хорш в своих воспоминаниях рисует портреты членов Круга и дает им меткие, хотя местами и довольно злые, характеристики.

² Устное сообщение О. Фешбах.

Фрэнсис Грант (р. 1899) — рыжеволосая, с широким открытым лицом и сильно выдающимся подбородком, «очень простодушная», была уроженкой Нью-Мексико. Вместе с матерью, братом и сестрой она переехала в Нью-Йорк, где окончила школу (ту же, где училась и Нетти) и затем факультет журналистики в Колумбийском университете. Фрэнсис дружила с Хоршами, часто посещала их дом и пыталась «руководить» супругами. Вообще она была «очень деспотичной» и в то же время легкоранимой и обидчивой, при этом не замечала, как сама обижает других. Она не пользовалась успехом у мужчин, и у нее никогда не было поклонника — бойфренда. Именно Фрэнсис и познакомила свою подругу Нетти с Рерихами — привела ее на их квартиру, довольно бедно обставленную, на 103-й улице в Уэст-Энде. Мадам Рерих, по словам Л. Хорша, была «красивой женщиной, очень хорошо одетой и имеющей большие познания в восточной философии». Она тут же рассказала Нетти о своей «великой миссии», данной ей Великим Белым Братством Востока.

Луис, как и его жена, был очарован Еленой Ивановной. Она показалась ему «одной из самых прелестных женщин, которые когда-либо посещали эти края, женщиной интернационального типа — она говорила по-французски и по-английски с очаровательным акцентом». Хорш тут же пришел на помощь бедствующим Рерихам — оплатил все их долги, в том числе задолженность по квартирной аренде и стоимость выставочного каталога. А также купил у Рериха две его картины за 2700 долларов, весьма приличную сумму по тому времени.

О чете Лихтманов Хорш отзывался с нескрываемой неприязнью. Они обитали в бедной части Нью-Йорка и зарабатывали на жизнь уроками музыки, которые давали в основном людям небогатым. Проживали Зина и Морис вместе с матерью Зиной С. М. Шафран и сестрой Мориса Эстер. «Зина Лихтман была холодной как лед и очень глупой, — пишет Л. Хорш. — Она и ее слабый муж, находившийся у нее под каблуком, умели только брать, а не давать. <...> Все четверо были последователями учения Рерихов. Г-жа Шафран имела «видения», а Зина Лихтман была особым конфиденнтом Рерихов...». Об Эстер Хорш пишет очень скупо — только то, что она понравилась ему и его жене³.

Здесь необходимо отметить, что среди членов Круга, прежде всего между Зиной и Фрэнсис, с самого начала существовало скрытое, хотя и вполне объяснимое соперничество, поскольку обе они стремились доминировать в Круге, выступая в роли «правой руки» и наиболее доверенного лица Н. Рериха. Что касается Эстер, то она, как кажется, не принимала активного участия во внутренних интригах Круга на этом раннем этапе. З. Фосдик в своем дневнике, впрочем, пишет

³ Amherst Centre for Russian Culture (Massachusetts, USA). Box 1–36, Folder 10. History of Institutions and Rerichs. Находящиеся в этом собрании рукописи и письма Л. Хорша не разобраны и не описаны.

о ней довольно сдержанно, без особой теплоты. Вместе с остальными сотрудниками Эстер «сидит» за столом во время спиритических сеансов и задает вопросы духу-руководителю, пишет автоматическим письмом. Однажды она нарисовала портрет Учителя, понравившейся Е. И. (это уже по воспоминаниям самой Эстер). Как и все, она имела эзотерическое имя — «Ояна», данное ей Морией через Е. И. (Это имя она носила в одном из прошлых воплощений). Но Е. И. и другие члены Круга чаще называли ее Ента, Енточка, или даже особо ласково Ентуся. Постепенно, однако, Е. Рерих стала как-то по-особому относиться к Енте-Ояне, выказывать ей особую симпатию. Вот одна из записей в дневнике З. Фосдик (конец 1922 г.):

«Сегодня мы навестили Рерихов на их новой квартире на 82-й улице. Там чудная аура. Н. К. болен и лежит, он с нами много беседовал и дал много ценных указаний относительно Школы на завтра. Е. И. сказала, что вчера вечером она, ложась спать, увидела перед собой видение — лик Енточки, но [она выглядела] красавицей в золотых локонах, с чудными чертами лица. Видение продолжалось довольно долго и потом уплыло. Е. И. думает, что это было астральное тело Енточки»⁴.

Вообще в Круге было принято рассказывать о своих снах и видениях, которые затем получали толкования Е. И. или Н. К. Так, Ояна однажды сообщила, что «видела» во сне фразу: «Начнете учить с весны», и Н. Рерих тут же отметил, что «бесспорно, у нее (Эстер. — А. А.) развивается громадная сила и странно то, что теперь она как бы является свидетелем дел Школы и нашей жизни»⁵. А через два дня во время сеанса Е. Рерих приняла послание «Учителя», адресованное Эстер: «Поставлю Ояну свидетельницей Моих дел». З. Фосдик по этому поводу записала в дневнике: «Ведь только недавно Н. К. сказал о Енточке: “Замечательно, что она является свидетельницей всего происходящего, не принимая активного участия, но все наблюдая со стороны”. Как он дивно знал и подметил все, что через несколько дней сказал М.»⁶.

Впоследствии, во время пребывания Ояны в Кулу, Е. Рерих раскрывает ей большую тайну — тайну их кармической связи. В одной из прошлых жизней Ояна была приемной дочерью императора Акбара и любимой ученицей его жены Jodhabai — воплощением Е. И.; звали Ояну тогда Ота-Тара (Цветок Тары). Перед отъездом в Индию Е. И. сделала своей ученице дорогой подарок — кольцо с жемчугом, которое она всегда носила на пальце. Эстер, как и остальные члены Круга, также получила персональное задание от «Учителя» (читай: Рерихов) — стать «свидетельницей», фиксирующей («рекордирующей», говоря языком Е. И.) все происходящее на физическом и духовном плане,

⁴ З. Г. Фосдик. Указ. соч. С. 113. Запись от 8 октября 1922.

⁵ Там же. С. 116. Запись от 16 октября 1922.

⁶ Там же. С. 118.

и собрать все «явления» в отдельную книгу⁷. Определенная роль ей отводилась и в «Великом Плане» Владык — принести «дар Тары» (то есть Е. Рерих) на гору Алтая, в будущий Город Знаний⁸. А в 1928 г. она вместе с братом должна была вернуться на родину, в Каменец, воссоединиться с родителями и принять участие в построении Новой Страны⁹.

С Рерихами Эстер особенно сблизилась во время поездки в Европу летом 1923 г. Именно тогда она получила особую «миссию» от «Учителя» (или Е. И., что одно и то же) — стать «сердцем» Круга в связи с его «переустройством», вызванным отъездом Рерихов в Индию. Мория объяснил это таким образом:

«Оккультно Круг является олицетворением человеческого организма, расширенного возможностями. Серединные фигуры несут почетные функции сердца. <...> ...В тягостные моменты переустройства Круга надо создать новый организм, который не должен отягощать отъехавших, потому Ояна будет *исполнять функции сердца*, ибо духом обещала не переносить тягости на Моих. <...> Телесно участвовала, но духовно не входила в построение Круга. Надо было приготовить смелого человека, мало зависящего от существа дела. Если б Ояна не имела решимости идти путем подвига, невозможно было бы поставить ее *стеною* между вами и бывшим Кругом»¹⁰.

Из этой дневниковой записи Е. Рерих явствует, что Ояна стала главной опорой Рерихов наряду с Хоршами, которых «Учитель» прямо назвал их «наследниками». Она — «сердце» обновленного Круга и «стена», ограждающая Рерихов от остальных (Лихтманов, Шафран и Грант). 15 сентября — за неделю до возвращения в Нью-Йорк — «Учитель» посылает Эстер свой новый «указ»: отвезти в Америку легенду о Камне Ориона — величайшей реликвии Белого Братства, которую Рерихи получают 6 октября в Париже, и напечатать ее в марте 1925 г. Это послание заканчивалось загадочными словами, в которых содержался намек потустороннего «Учителя» на будущее «предательство» Эстер, как Е. Рерих будет утверждать впоследствии: «О мяч судьбы! Куда попадешь и куда отскочишь? Свет тебе начертан! Успей мяч долететь! Удержи лукавое вращение»¹¹.

Отношение Е. Рерих к Эстер, однако, переменялось за годы Центральноазиатской экспедиции (1924–1928). Произошло это, главным образом, по «вине» З. Фосдик, которая попыталась взять бразды правления Кругом в свои руки. «Возвышению» Ратны во многом

⁷ А. И. Андреев. Гималайское братство: теософский миф и его творцы. СПб., 2008. С. 218. Более подробно о Великом Плане см. мою статью в этом сборнике: «Оккультизм и мистицизм в жизни и творчестве Рерихов».

⁸ З. Г. Фосдик. Указ. соч. С. 201. Запись от 24 октября 1924.

⁹ Там же. С. 206. Запись от 27 октября 1924.

¹⁰ Е. Рерих. Листы дневника. 1920–1923. Москва, 2009. С. 320. Запись от 12 августа 1923.

¹¹ Там же. С. 329.

способствовала ее поездка с мужем в Москву летом 1926 г. для встречи с Рерихами и затем вместе с ними на Алтай и участие в конфиденциальных переговорах (по поручению Рерихов) с представителями советских властей. В августе 1928 г. Зинаида и Фрэнсис совершили поездку в Дарджилинг к Рерихам только что вернувшимся из Тибета. Их активность в расследовании «преступного» инцидента — запрета 13 Далай-ламы на въезд рериховской «американской» экспедиции в Лхасу — еще больше сблизила З. Лихтман и Е. Рерих. Во время одной из интимных бесед с Зинаидой Елена Ивановна заявила, что Ратна и Авирах (т. е. чета Лихтманов) нужны Рерихам для строительства Города Знания в Гималаях — главная задача, которую поставили перед Рерихами «Учителя». Остальные же члены Круга останутся работать в Америке. «Сказала, что Модра (Фрэнсис. — А. А.) из-за легкомыслия поставлена на последнем плане, перед ней Ояна, которая не поняла свою миссию идти сердцем»¹². Вообще Е. И. высказала много критики в адрес Круга — сотрудники, в особенности З. Лихтман и С. М. Шафран, не имеют должной терпимости и не умеют привлекать к себе друзей. «... Чувствую, что на нас [лежит] вина в неумении находить и удерживать друзей и в том, что «шесть человек тащат один стул» — записала З. Лихтман в своем дневнике»¹³.

Перемены, не заметные на первый взгляд, произошли и с самими Рерихами за время их большой азиатской экспедиции. Е. И. и Н. К. стали более авторитарными и категоричными, что особенно заметно по письмам Е. Рерих сотрудникам в Нью-Йорке. В них она подает себя и своего мужа — Тару и Гуру — уже не просто как руководителей Круга и духовных учителей, но *вождей человечества, земных наместников Махатм*, требуя от остальных беспрекословного подчинения.

«Говорю и Утверждаю, что *Гуру и Тара должны иметь полную власть*. Говорю — Гуру и Тара должны требовать исполнения. Я говорю, путь без указаний Гуру и Тары не приведет к Башням [Гималайского Братства]!»¹⁴.

«Вл [адыка] поставил меня *вашей духовной матерью и водителем-ницей*, и я глубоко чувствую всю ответственность за духовный рост каждого сотрудника»¹⁵.

«Каждое умаление имени Ф [уямы] неминуемо отражается на делах и Вас самих. *Все будущее строится на этом имени*»¹⁶.

¹² З. Г. Фосдик. Ук. соч. С. 288. Запись от 14 августа 1928.

¹³ Там же. С. 322. Запись от 1 сентября 1928.

¹⁴ Письма Е. И. Рерих. Т. 1. 1919–1933. М., 1999. С. 84. Письмо сотрудникам от 24 февраля 1930.

¹⁵ Там же. С. 99 (письмо от 24 июня 1930).

¹⁶ Там же. С. 179, 181 (письмо от 28 апреля 1931).

Такие письма Е. И. регулярно направляла Кругу в Нью-Йорк с наставлениями и новыми «указами» Мории.

Через несколько месяцев после отъезда З. Лихтман и Фр. Грант в гости к Рерихам в их «Гималайский Ашрам», как они называли свой дом в Наггаре, пожаловала Эстер Лихтман. Ее приезд был вызван тем, что Н. К. Рерих вместе с сыновьями собирался ехать в Нью-Йорк и не хотел оставлять жену одну, на попечении своего секретаря В. А. Шибаева и сестер-сибирячек Богдановых (Раи и Людмилы). (Лившиеся родителей в годы Гражданской войны девочки-подростки были взяты под опеку Рерихами еще в Улан-Баторе. Вместе с ними они совершили путешествие в Тибет, выполняя в отряде роль прислуги, и затем остались «при Рерихах».) Эстер должна была присматривать за Е. И. — быть чем-то вроде ее наперсницы и секретаря в одном лице на время отсутствия Н. К. Поначалу она рассчитывала пробыть в Наггаре не более года, но обстоятельства распорядились иначе. Англо-индийские власти отказали во въездной визе Н. К. Рериху, и Эстер пришлось задержаться в Кулу на целых два года с половиной. В середине 1931 г. она вернулась в Америку, но затем (в 1934) снова отправилась к Рерихам (в это время Н. К. занимался организацией своей второй экспедиции — Маньчжурской).

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА (1929–1931)

Дневники первой поездки Э. Лихтман в Кулу содержат разнообразную информации о Рерихах, в основном о Елене Ивановне, Матери Агни Йоги. Скрупулезно, день за днем, Эстер фиксирует в них все происходящее в рериховском «Ашраме» — визиты различных посетителей, разговоры с Е. И., ее воспоминания, пересказывает или цитирует содержание писем Н. К. и других членов Круга (совершенно неизвестные нам). Но главное, она живописует жизнь и быт Елены Ивановны во всех мельчайших подробностях, рисует живой портрет этой необыкновенной женщины, такой, какой она застала ее в переломные, критические годы — перед крушением рериховских «Учреждений», по сути, крушением «Великого Плана» и распадом Круга.

Эстер прибыла в Наггар 8 апреля 1929 г., в то время когда Н. К. и его сыновья еще находились там. Вот как она описывает сцену встречи со своими духовными наставниками: «После двухдневной поездки в автомобиле по бесконечно красивой равнине, окруженной снежными горами, и дороге, вьющейся по горе, я приехала в Katrain Bridge. От Katrain Bridge до Kulu на лошади в Hall Estate. Какое великое и неописуемое счастье увидеть опять ЕИ и НК».

В тот же вечер Ояна приняла участие в семейном ритуале — Беседе с Учителем (махатмой Морией) возле его Кресла в особой комнате,

которая, как и в Дарджилинге, называлась Святыней (Shrine). «Вечером мы сидели и ММ Сказал о “Новой волне, Новой Ояне”», — записала она в дневнике. Учитель велел Эстер «ежевечерно стоять» с Еленой Ивановной, при этом Николай Константинович (Гуру) будет держать руку на ее плече — для передачи ей своего магнетизма. «Потом мы все сидели. Чувство как в Ашраме»¹⁷.

Из других записей мы узнаем о контактах Рерихов с Учителем с помощью столика. Это были какие-то странные манипуляции, весьма напоминающие спиритические сеансы. «Столик идет все лучше и лучше. После мы сидели все вместе, а раз в три дня с нами сидит Юрий. <...> Сегодня у нас был изумительный сеанс. Столик нас привел в следующую комнату, где стоит стул Учителя, и мы все, стоя на коленях, ибо стол был перевернут вверх ногами, стояли у стула Учителя»¹⁸.

В то время как Николай Константинович занимался «намагничиванием» своей ученицы, Елена Ивановна доверительно передавала ей Учение (точно так же как она это делала во время визита Радны и Модры). Читала ей свои записи «посланий» Владык, например, о том, что Рерихам еще в 1927 году «было велено заложить город на Гималаях», что Учитель перейдет в 1936 г. в уплотненный («конденсированный») Астрал и вместе с ним она «уйдет на Венеру». А также что Учитель предсказал ей скорую смерть — уход на некоторый срок в Белое Братство, а затем возвращение на землю. (Сообщение это вполне согласуется с тем, что Е. И. рассказывала ранее Радне).

Подобные высокодуховные беседы Эстер с Еленой Ивановной происходили практически каждый день, после чего она вкратце конспектировала (хотя далеко не всегда) их содержание в своем дневнике. Смысл эволюции, заявила Е. И., состоит в передаче Учения по цепочке, от высших существ к низшим: «Высшие планеты» передают Матери Мира, Мать Мира — ее Учителю, Учитель — ей, а она — своим ученикам. «Человек есть создатель Космоса. Все, что мы оставим на нашей планете, будет принадлежать низшей планете Сатурну. Все, что мы накопили высшего, мы дальше понесем на Венеру, а потом на еще высшие планеты»¹⁹.

Но говорили, разумеется, не только о высоком, а и о бранных, земных делах — особенно часто и много о Круге и его моральном состоянии. Надо сказать, что после приезда Эстер в Кулу и ее отчета перед Рерихами о делах в нью-йоркских Учреждениях, открылась довольно неприглядная картина — между членами Круга нет подлинного единства «в духе», а царят разлад и взаимное недоверие. Радна и Модра пытаются руководить («командовать») всеми и совершенно

¹⁷ Дневник Эстер Лихтман (далее ЭЛ) № 1. С. 1. Запись от 8 апреля 1929.

¹⁸ Там же. С. 3. Запись от 12 апреля 1929.

¹⁹ Там же. С. 14.

произвольно интерпретируют «указания» Гуру и Тары. Сама Эстер явно тяготеет к Хоршам, а не к своим родственникам Лихтманам, хотя «Учитель» и назвал их «лучшими людьми». Особенно сблизилась она с Порумой (Нетти Хорш).

Елена Ивановна, как и Ояна, также относилась с гораздо большей симпатией к Хоршам, нежели к Радне и Модре. Но это и неудивительно, ведь Хорш (Логван) — главный финансист Рерихов, и от него зависит как их личное благополучие, так и успех рериховских Учреждений в Америке. Экспедиция в Центральную Азию была целиком финансирована Логваном и на его же деньги Рерихи приобрели землю и дом в Нагаре. Однако никто из сотрудников не вправе был требовать от Рерихов какого-либо отчета о потраченных средствах. Поэтому когда однажды Фрэнсис Грант невзначай напомнила Н. Рериху, что он получил «такую большую сумму от Логвана», тот пришел в негодование. По словам Е. И., «это был удар Учителю в сердце. Н. К. не мог забыть этих слов Модры и сказал: “Если самые близкие это говорят, то, что же скажут чужие”?»²⁰.

Были у Н. Рериха и другие причины быть недовольным Модрой. Из дневников Эстер мы узнаем, что Модра потеряла эссе Н. К. «Shambhala», переданное ей для редактирования, а также не включила в английский текст книги «Алтай-Гималаи» (1929) специально написанные им два отрывка. В них Рерих отзывался с похвалой об автомобильном магнате г. Форде и президенте США Г. Гувере — людях, которые могли принести большую пользу Великому Плану²¹. Это были непростительные упущения.

Уже вскоре Эстер становится незаменимой помощницей Е. Рерих, ее «правой рукой», что, разумеется, не могло не льстить ее самолюбию. Заботливость Эстер, стремление всячески услужить Матери и безропотное преклонение перед ней как «духовной водительницей», сделали свое дело. «Учитель» объявляет Ояну «самой близкой свидетельницей», а Е. И. называет ее своей «доченькой». Более того, однажды она призналась: «Открою вам секрет. На физическом плане ходят три Сестры — одна я, другая Порумочка, третья вы»²².

«Хочу действовать и оправдать слова ЕИ, что «лучшего человека не могли ей прислать», — записала Эстер в дневнике в день отъезда Н. К. из Кулу. А еще через два дня, после вечерней Беседы у Престола: «ЕИ меня глубоко тронула тем, что поблагодарила Учителя за то, что

²⁰ Дневник ЭЛ № 2. С. 115. Эту историю Эстер пересказывает также по-английски: “Aug. 4th [1929] — M-me R remembers: “What a blow N. K. received when Modra said to him “but you received such a big sum of money from Logvan!” — N. K. said he “will never forget these words. When co-workers say such a thing, what will strangers say”. (Запись на отдельном листе бумаги, приложенном к дневнику, с пометкой сверху: 1929 India).

²¹ Дневник ЭЛ № 2. С. 43–44.

²² Дневник ЭЛ № 3. С. 67.

Он прислал меня ей. Великая, святая душа, Вам ли благодарить Учителя за меня? Не отдать ли мне всю мою жизнь за одно позволение Учителя быть подле Вас? ЕИ несказанно ласкова ко мне. Называет меня “доченькой своей”, думает, может быть, я была ее дочерью. Нет ничего, чего бы я не сделала для ЕИ. Блаженно чувство духовной отдачи себя любимой душе во имя Учителя»²³.

Подобные сердечные излияния встречаются довольно часто на страницах дневников Эстер. Личные «послания» Учителя и похвала Е.И., несомненно, кружили ей голову, наполняли чувством какого-то неземного, неведомого дотоле счастья и готовностью к самоотдаче, принесения себя, если нужно, в жертву — Елене Ивановне, Николаю Константиновичу и Владыкам!

«Я чувствую, как приросла к ЕИ. Я бы дала себя уничтожить, чтоб облегчить [страдания] ЕИ. Чувствую, что куется неразрывная связь между ЕИ и мною».

«Я готова отдать всю остающуюся для меня жизнь за это счастье, данное мне Учителем, возможности Бесед с ЕИ. Я устремляю весь мой дух к тому, чтобы всегда быть с ЕИ, быть ей самым верным и преданным человеком».

«Такие незабываемые часы у Кресла Учителя! Нас наполняет такая радость, высшая, сокровеннейшая! <...> Что же мне сказать, когда каждое слово ЕИ для меня жемчужина духа»²⁴.

По мере сближения с Ояной, Е.И. испытывала все большее раздражение, недовольство словами и поступками других нью-йоркских сотрудников, прежде всего Радны и Модры. Это недовольство обычно прорывалось наружу во время чтения их писем. Но и во сне, совершая «астральные полеты» в Нью-Йорк, она «видит» постоянные споры и раздор между членами Круга — «кошачьи концерты в Америке». Судя по записям Эстер, Е. Рерих была серьезно обеспокоена этой ситуацией и, чтобы как-то исправить ее, посылала в Америку «огненные стрелы» (посылки с психической энергией) и указы Учителя, адресованные персонально сотрудникам. («Должен посылать силы на Америку, иначе все разбегутся»²⁵, — сказал ей однажды Мория.) Но это, очевидно, приносило мало пользы.

Надо заметить, что поначалу, когда только начались контакты Е.И. с потусторонним духом-учителем, она сама не вполне верила, что находится «на проводе» с Братством. Да и вообще, многое из того, что «говорил» ей невидимый Учитель — довольно косноязычно и маловразумительно, то по-русски, то по-английски, — было ей непонятно. И потому она толковала астральные послания по собственному разумению,

²³ Дневник ЭЛ № 1. С. 56, 58.

²⁴ Дневник № 1. С. 58; Дневник № 2. С. 104, 107, 108, 111.

²⁵ Дневник № 3. С. 3.

вкладывая в них собственные мысли, и затем объявляла свои толкования «высшими указаниями». Сомнения, впрочем, имелись и у других членов Круга, но они постепенно рассеялись — сотрудники «приняли» Владык и признали Елену Ивановну их медиатором (посредником). Постепенно — еще в Нью-Йорке — начал складываться культ четы Рерихов, и их ученики и сподвижники (Хорши, Лихтманы и Ф. Грант) столь же причастны к его созданию, сколь и невидимые Учителя и Владыки, чьи голоса все более настойчиво и навязчиво звучали в голове Е. Рерих.

Другая чрезвычайно важная тема, проходящая красной нитью через дневники Э. Лихтман, это «огненная болезнь» Е. Рерих. В статье об оккультизме и мистицизме Рерихов мы уже говорили, что феномен контактирования с потусторонними, или инобытийными, учителями можно рассматривать двояко — с эзотерической и с медицинкой (психиатрической) точек зрения. По мнению эзотериков, в случае с Е. Рерих мы имеем дело с несомненным и подлинным «мистическим опытом», хотя рериховцы очень не любят слово «мистицизм», предпочитая в этом случае говорить о «космическом опыте» Елены Ивановны. С точки же зрения медицины (психиатрии), «голоса» и «видения» Е. Рерих (то, что сама она считала *яснослышанием* и *ясновидением*) — это вполне очевидное следствие серьезного психического расстройства. Многие послания махатмы абсолютно бессодержательны, имеют форму полубессвязных фраз-обрубок, всплывающих из глубин сознания (подсознания), но воспринимаемых как подлинные, «откровенные» мысли и указы Учителя.

Что явилось причиной болезни Е. Рерих (если, конечно, считать ее «огненный опыт» болезнью) — вопрос, на который в настоящее время невозможно дать однозначного ответа. Возможно, это была мозговая травма, на что вроде бы прямо указывают некоторые собственные признания Е. И. (разбилась в детстве, катаясь на гигантских шагах; упала в поезде с верхней полки²⁶).

Эстер Лихтман в своих дневниках подробно описывает болезненные кризы Е. Рерих, которые происходили в довольно острой форме почти каждый день. Приведу одну из записей, хотя в дневниках их множество:

«ЕИ говорит, что дни очень редки, когда она может сказать, что чувствует себя хорошо — где-нибудь всегда болит. А спит она ночь хорошо, можно сказать, раз в год. Но никто не скажет по светлой улыбке и всегда улыбающимся глазам, что у нее что-то болит. <...> Около 5 часов ЕИ стало хуже опять. Взяла мускус. После Беседы и во время Беседы ЕИ было худо. Боли поднялись к голове и плечам, боль в груди и ребрах. ЕИ было очень трудно стоять и сидеть, и ее все время заливало»²⁷.

²⁶ З. Фосдик. Указ. соч. С. 114, 118. Записи от 9 и 18 октября 1922.

²⁷ Дневник ЭЛ № 2. С. 150. Запись от 24 августа 1929.

В дневниках Эстер мы находим еще одно объяснение болезни Елены Рерих. В минуту откровения Е. И. поведала своей ученице большую семейную тайну — ее мать, будучи беременной ею, пыталась избавиться от плода. «Организм ЕИ очень пострадал, когда мать ее вытравляла из своего организма, — записала в Эстер своем дневнике. — Если бы вытравливанием зачатия мать не ослабила организма ЕИ, она была бы очень здорова...»²⁸.

Примечательно, что Е. И. несколько раз рассказывала Эстер эту драматическую историю. По мнению же психиатров, перинатальная (дородовая) травма, такая как попытка аборта, оказывает влияние на «постнатальную историю» человека — его эмоциональное и психическое развитие и является глубинной причиной и потенциальным источником психосоматических недугов, «искаженной духовности и восприятия мира», говоря словами американского психолога-трансперсоналиста С. Грофа²⁹.

Наиболее интересные страницы дневников Э. Лихтман — это записи, содержащие воспоминания Е. И.: о своем детстве и молодости, о родителях и родственниках, о знакомстве с Н. К., о его учителе А. И. Куинджи и работе в Обществе поощрения художеств в Петербурге, о трудном революционном времени. А также об экспедиции — ее участниках, К. Н. Рябинине, Н. В. Кордашевском и П. К. Портнягине, и о том, каким смертельным испытаниям Рерихи подверглись на тибетских высотах. К этим рассказам Е. И., однако, нужно относиться осторожно, имея в виду ее поразительную способность к мифотворчеству. Подобно своему кумиру Е. П. Блаватской, она сознательно мифологизировала свое прошлое, творила легенду о себе и своем муже как о «духовных водителях» человечества и сотрудниках Великого Белого Братства. И в то же время об Учителях — космических иерархах, якобы руководивших ею всю жизнь.

Приведу для примера записи Эстер о предках Е. Рерих.

«Прапрадед ЕИ из линии von Tessner. Он был именитый человек, очень богатый, и жил в Риге. Когда Петр Великий приехал в Ригу, он его встретил и в подношение дал Петру Вел [икому] Шапку Мономаха, всю зашитую жемчугом, на что Петр Вел [икий] ему сказал: «отныне будешь называться Шапошников». Петр В [еликий] дал ему свой походный шведский кубок, который отвинчивался, и внизу была чернильница. Отсюда идет род Шапошниковых, и нет родственников у ЕИ по этой линии. Из 19 детей отец ЕИ — младший сын, и ЕИ единственный оставшийся потомок. Дед ЕИ был очень властный. Бабушка — урожденная Воронцова. Когда она отказалась дать своему мужу

²⁸ Дневник ЭЛ № 1. С. 67, 140.

²⁹ С. Гроф. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1993. С. 333.

состояние, чтоб он его не проиграл, то он, рассердившись, завел себе французенку и потом ей оставил все состояние. Отцу ЕИ и его братьям и сестрам осталось потом только состояние их матерей.

Старший брат отца ЕИ был bon-vivant до паралича. У него не было потомства.

Второй брат, уехав с экспедицией в Среднюю Азию, исчез, и никто не знает, куда и каким образом. О нем говорили, что еще до этой роковой экспедиции он был однажды на каком-то костюмированном балу, на котором была вся царская семья, в дивном расшитом костюме раджи. Как видно, он уже раньше был в Индии. О нем осталась память, как об очень спокойном человеке. Думали, что он был убит во время экспедиции, ибо вез с собой дорогие костюмы.

Нет потомства.

Мы знаем, что он в Бр [атстве] под именем Mahometi. Был Abu Fazl, преданный историк времен Акбара. 3-й брат служил в Банке и из копеек сделал миллионы своей прекрасной организацией и способностями. У него был мальчик, который умер»³⁰.

«ЕИ рассказывала о роде Голенищевых-Кутузовых, о своей властной прабабушке, которая написала Екатерине Второй грозное письмо, когда она послала урядника осматривать поместье для того, чтобы помещики не слишком притесняли крестьян. Прабабушка не позволила уряднику войти в ее имение. У этой властной женщины был добродушный сын, дед ЕИ, который так хотел, чтобы мать ЕИ вышла замуж за отца ЕИ, ибо отец ЕИ был аристократом духа и тоже фрисландского рода Тесснер»³¹.

Рассказы Е. И. о своем высокородном предке — прибалтийском немце, от которого пошел род Шапошниковых, очевидно, является частью семейной легенды. Легенда эта, впрочем, не имеет под собой исторической реальности. Приведу комментарий латышского исследователя Иварса Силарса, одного из лучших знатоков прибалтийских корней Рерихов: «Уже с середины 14 века рижские немецкие торговцы и ремесленники были объединены в двух соответствующих гильдиях. Поэтому трудно представить, чтобы кто-то один (из этих торговцев) встречал Петра I и преподносил ему от своего имени подарок. «Шапка Мономаха» в данном контексте, думаю, вообще не нуждается в комментариях. Так же неправдоподобным кажется то, что Петр I, который не был полуграмотным русским мужиком, отплатил знатному и «очень богатому» немцу, лишив его родового имени. И каким образом Петр I это осуществил — издал соответствующий декрет? Когда?»³².

³⁰ Дневник ЭЛ № 2. Л. 25–27. Запись от 26 июня 1929.

³¹ Дневник ЭЛ № 5. Л. 10. Запись от 10 февраля 1930.

³² Цитата из письма И. Силарса А. И. Андрееву.

В дневниках Эстер можно найти и много другой довольно интересной информации — вне рамок сугубо рериховской темы. Будучи человеком любознательным и наблюдательным, она проявляла большой интерес к внешним событиям — повседневной жизни и быту жителей Наггара и близлежащих гималайских деревушек. Так, она живо описывает религиозные обряды и праздники, например, праздник богов Кулу. Прожив год в усадьбе Рерихов, Эстер взялась за перо и написала по-французски небольшой очерк этнографического характера («В царстве богов: нравы и обычаи долины Кулу»), который затем был опубликован в одном из научных журналов в Париже³³.

* * *

Большое место в дневниках Эстер занимает история возвращения Рериха из Америки в Кулу, полная драматизма и интриги. Началась она в феврале 1930 г., когда Н.К. и Юрий обратились в британское консульство в Нью-Йорке за разрешением на въезд в Индию. Ответа на свое ходатайство они не получили — английские чиновники, впрочем, любезно объяснили Рерихам, что их заявления рассматриваются британскими властями. Стремясь ускорить получение въездных виз, Н.К. связался с посольством Великобритании в Вашингтоне, но там ему дали понять, что «все зависит от Лондона». Лондон же, т. е. британское правительство, выдавать индийские визы Рерихам не торопился. Лишь 27 марта Рерихи получили визы, но не в Индию, а в Англию, куда и отбыли неделю спустя (4 апреля).

В чем была причина невыдачи виз Рерихам? Почему руководство Форин Офиса занесло обоих Рерихов в список персон нон-грата? История эта на первый взгляд действительно кажется странной, особенно если вспомнить, с какой помпой еще совсем недавно (осенью 1929) Н.К. Рериха встречали американские власти в Нью-Йорке, куда он прибыл на открытие Дома Учителя (Master Building) — только что законченного постройкой 29-этажного небоскреба в центре Манхэттена, предназначенного для Музея Рериха. Мало кому известно, однако, что Госдеп США стал собирать сведения о Н. Рерихе в связи с его политической деятельностью еще в 1921 г.³⁴, что, впрочем, не помешало мэру Нью-Йорка Уолкеру и другим высокопоставленным лицам американского истеблишмента чествовать Николая Константиновича спустя восемь лет.

³³ См.: E.-J. Lichtmann. «Au Royaume des Dieux. Moeurs et Coutumes de la vallée de Kulu», Ethnographie, Paris, 1930, nouvelle série, # 21–22, P. 32–40.

³⁴ См.: Karl E. Meyer, Shareen B. Brysac. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia, Washington, 1999. P. 457. Имевшие возможность познакомиться с делами ФБР на Н.К. Рериха, К. Мейер и Ш. Брусак отмечают, что оно в большой степени цензурировано (much expunged), и многие записи в нем вымараны (с. 619). Возникает вопрос — кем и почему?

Несколько позднее (в 1925–1926 гг.) Рерихами заинтересовались и спецслужбы Британской империи — и не без причины. Еще в мае 1925 г. (вскоре после начала Центральноазиатской экспедиции) департамент «Индия Офис» в Лондоне³⁵ получил депешу от службы паспортного контроля в Нью-Йорке, в которой говорилось о том, что во время своего пребывания в Америке «проф. Рерих был заподозрен в проявлении симпатии к деятельности коммунистов». Этому сообщению англичане поначалу не придали большого значения, однако их определенно насторожила информация о «передвижениях» Рериха по территории Индии, в частности о его встрече в Калькутте (весной 1925 г.) с бенгальским художником-революционером Сумендранатхом Тагором. (Насколько известно, Тагор давал Рериху уроки индийской живописи.) Далее, до англо-индийских властей дошли слухи о том, что в феврале 1926 г. двое бенгальских революционеров разыскивают «русского художника», якобы прибывшего в Индию «со своим внуком и значительной денежной суммой для ведения большевистской пропаганды».

В том же 1926 г. с Рерихом в Кашгаре встречался британский генконсул майор Гиллан, и его донесения об этой встрече вызвали у Лондона весьма основательные подозрения. Так, знакомясь с Гилланом, Рерих представился «американским подданным», хотя в действительности таковым не являлся, поскольку имел на руках паспорт Временного правительства России. Гиллан, однако, считая Рериха натурализованным американцем, счел возможным оказать ему дипломатическую поддержку во время его конфликта с китайскими властями в Хотане. А затем из сообщения того же Гиллана от 1 сентября 1926 г. англичане с удивлением узнали, что Рерихи неожиданно исчезли из Урумчи и вновь объявились... в Москве, хотя Н.К. уверял до этого британского дипломата, что собирается ехать в Пекин, а оттуда в США³⁶.

«Тайная поездка» Рериха в СССР, его не вполне понятные, тщательно законспирированные контакты с представителями советского правительства в Москве летом 1926 г. и затем беспрепятственный проезд через всю страну в Монголию (МНР) дали основания британским властям заподозрить художника в «несомненных просоветских симпатиях» (decided Soviet tendencies) и рассматривать его как «агента большевиков». И действительно, с британской точки зрения казалось невероятным, чтобы русский эмигрант и яростный борец с большевизмом, каким Рерих являлся в 1918–1920 гг., без труда получил советскую визу

³⁵ India Office — министерство, ведавшее делами Индии (1858–1947).

³⁶ National Archive of India (NAI). Foreign & Political Dep., file 331 (2) X, Appendix II to Notes (Note on Professor N. Roerich); см. также: Oriental & India Office Collection (OIOC). C/P & J/12/291, р. 27–30. Донесение сотрудника разведслужбы правительства Индии (Intelligence Bureau, Home Department) Ф. Айсмонтга, Симла, 7 июня 1928.

и затем прибыл в Москву, где большевики его не только не арестовали, но встретили вполне доброжелательно и даже с некоторыми почестями.

Надо признаться, сам Николай Константинович постоянно давал поводы подозревать себя в неискренности. Объяснялось это в большой степени стремлением засекретить всю свою деятельность, связанную с реализацией Великого Плана, дабы помешать проискам врагов, «темных», каковые виделись ему и Елене Ивановне повсюду. И потому, рассказывая о своих делах или планах, Рерих нередко довольно беззастенчиво «напускал туману» — откровенно дезинформировал своих собеседников. Так, встретившись в Гранд-отеле в Москве с художником И. Э. Грабарем, на его вопрос — вполне естественный при виде пакующихся вещей — «Куда вы едете?», Н. К., не моргнув глазом, ответил: «В Абиссинию». — «Зачем?» — «Там есть такое замечательное озеро, что из-за него одного стоит туда ехать»³⁷. Ехали же Рерихи в Монголию и Тибет! А известному путешественнику П. К. Козлову в Улан-Баторе Рерих сообщил, что приехал из Москвы в Монголию во главе «Австрийской археологической экспедиции»³⁸.

Беседуя в Дарджилинге с сиккимским резидентом Ф. М. Бейли, Рерих объяснил цель своей поездки в Москву необходимостью встречи с директорами Музея Рериха З. Г. и М. М. Лихтманами, специально прибывшими для этого из Нью-Йорка. Но такое объяснение не удовлетворило английского дипломата и опытного разведчика. И в самом деле, совершить столь опасное путешествие с явным риском для жизни только для того, чтобы встретиться с двумя вице-директорами собственного музея — в такое с трудом верилось.

В конце марта 1930 г. в Кулу приехала Нетти Хорш (Порума) — в то время как там еще находилась Эстер. Незадолго до этого она пережила личную драму (смерть малолетней дочери Ориолы) и потому нуждалась в нравственной поддержке. Вместе с Е. Рерих и Эстер она пробудет там несколько месяцев (до 31 августа). Ее встречу в Наггаре Эстер описывает такими словами: «Возле ворот стояли все слуги с цветами и венками. У самых ворот стояла Е. И. вся в белом, вся сияющая красотой и любовью. Какая радостная счастливая встреча. Радость неопишемая...»³⁹. Уже на следующий день Е. Рерих провела беседу со своими духовными сестрами: «ЕИ беседовала с нами об Учении. Каждый час с нею как столетие мудрости. Живем чудесную сказку жизни — быть возле нашего чудесного Масика и слушать Учение и ее космические мысли. Все в таком космическом размахе в ее понимании»⁴⁰.

³⁷ И. Э. Грабарь. Моя жизнь. Автобиография. М.-Л., 1937. С. 297.

³⁸ П. К. Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. СПб., 2003 (Научное наследство. Т. 30). С. 944. Запись от 12 сентября 1926.

³⁹ Там же. С. 64. Запись от 28 марта 1930.

⁴⁰ Там же. С. 66. Запись от 29 марта 1930.

И Нетти и Эстер окружили Е.И. вниманием и заботой, оставаясь в отсутствии Н.К. и сыновей самыми близкими ей людьми. Узнав о затруднениях Рериха с получением индийской визы, они поспешили прийти ему на помощь, составив (1 мая) от имени Е. Рерих телеграмму вице-королю Индии лорду Ирвину следующего содержания:

“His Excellency Lord Irwin, Viceroy of India, Viceregal Lodge, Simla. — Recalling Your Excellency cordiality to Professor Roerich I beg Your Excellency kind assistance in expediting Professor Roerich and my sons visas for return to India as my ill-health requires their presence here. Please accept our deep gratitude for Your kind assistance. Helena Roerich. Naggar, Kulu, Panjub”. (Вспоминая о *сердечном* отношении Вашего Превосходительства к Профессору Рериху, Я прошу Ваше Превосходительство о любезной помощи для ускорения выдачи Профессору Рериху и моим сыновьям виз для возвращения в Индию, поскольку мое нездоровье требует их присутствия здесь. Примите, пожалуйста, нашу глубокую благодарность за Вашу любезную помощь. Елена Рерих.)

Обратим внимание на то, что в качестве главной причины для «ускорения выдачи виз» Н.К. и Юрию Елена Ивановна выдвинула свое болезненное состояние, а также на употребленное в телеграмме «волшебное» рериховское слово “cordiality” (сердечность). Ибо по учению Агни-Йоги все лучшее на земле совершается не человеческим умом, а сердцем и только «через сердце». Ответ на телеграмму, довольно лаконичный и безапелляционный, пришел 28 мая за подписью личного секретаря вице-короля г. Каннингхэма: “The Government of India are not prepared to agree to a visa being given to Prof. Roerich at present” (Правительство Индии не готово согласиться на выдачу визы проф. Рериху в настоящее время)⁴¹.

Тогда Нетти и Эстер обратились лично к вице-королю с просьбой о скорейшей выдаче Н. Рериху визы. В своем письме они указали, что приехали в Индию из Америки только на время отсутствия Н.К. Теперь же в Нью-Йорке их ждут неотложные дела, но они не могут оставить Е.И. одну по причине «состояния ее здоровья, внушающего серьезные опасения» (precarious condition of health). «Поэтому наше возвращение в Америку, уже задержанное, зависит от прибытия проф. Рериха»⁴². Великолепная уловка, однако она не сработала. 30 июня Нетти и Эстер получили ответ из канцелярии вице-короля, от того же Каннингхэма, слово в слово повторявший текст его первой телеграммы Е. Рерих: «Правительство Индии не готово...» и т.д.

Тем временем Елене Ивановне пришло письмо от мужа, в котором он рассказывал о своих мытарствах в Лондоне:

⁴¹ П.К. Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926. С. 31.

⁴² NAI. Ibid. P. 58.

«[1 мая 1930]. С 11 апреля мучаемся здесь по министерствам. Все неясно, без определенной формулы. Наконец беспричинное отложение визы. Мы взяли адвоката — американца Кеннеди и вручили ему дело... Вручили адвокату телеграмму Эстер... Вообще до нашего приезда не видим ее отъезд... Очень сердечно отнесся французский посол Floriot. Посол пишет целую ноту. Нужно отдать справедливость Франции, она поддержала здесь в Лондоне. <...> Можно назвать наше пребывание здесь «Страсти в Лондоне», ибо здесь провели и Страстную неделю. Но ведь Страстная неделя повела к Воскресению».⁴³

Несмотря на задействованные Н. К. мощные рычаги для воздействия на британское правительство — Госдеп США, чешский и французский президенты, а также влиятельные друзья, к которым он обратился за помощью (дипломат Чарльз Крейн, архитектор Альфред Боссом, полковник Ф. М. Бейли и др.), «дело Рериха» не двигалось. В своем дневнике Эстер цитирует еще несколько писем Н. К., наполненных раздражением и гневом:

«18 мая. ...Даже во время войны причина болезни принималась во внимание, и брюссельский посланник был допущен из СПб в Брюссель к жене. Хорошо, что Эстер с тобою. Долго ли Нетти может остаться? На нашу cable (телеграмму. — А. А.) вице-королю ответа не было. В Америке наша задержка вызвала большое изумление. Подумай только, какие денежные потери для учреждений, не говоря о лишениях и о вреде имени. Ведь мы никогда не стремились к мученическим венкам!?! Но теперь наша общественная обязанность выяснять причины клеветы. Во имя учреждений и чпог'а (чести. — А. А.) мы обязаны выяснить какие-то тайны, кем-то сплетенные. Конечно, успех всегда возбуждает врагов. Папа [Римский] проклял выставку в Венеции... Так хочется побыть с тобою. Невозможно понять, где же вред нашего приезда? Если причины политические, то легче всего приставить к нам политического офицера, ибо нам скрывать-то нечего... Нет ли чьего то личного, черного намерения повредить научному делу? (Намек на созданный Рерихами в Кулу Институт Урусвати. — А. А.) Нам предлагают визы во французскую Индию, но ведь кому-то и это может показаться подозрительным. Барон Мейендорф, порядочный человек, говорит: «Скоро будет почетно принадлежать к партии "Roerich visa"». Наш адвокат Кеннеди в телефон спрашивает уже просто: "How about Roerich?" Скоро все решительно будут знать о необыкновенном случае. Странно, чтобы формальная причина паспорта могла служить какой-то причиной. Ведь мы люди, а не бумага. И как сердечно говорил Masaryk⁴⁴. Ибо это как раз когда я приветствую британскую группу

⁴³ NAI. Ibid. P. 183.

⁴⁴ Томаш Масарик, президент Чехословакии в 1918–1935.

Музея нашего. <...> Madame de Vaux⁴⁵ и Франция очень, очень сердечны. Крепко целую Нетти, Эстер и всех вас — милых. Много мы сражались за законность!»⁴⁶.

«25 мая. <...> Можно ли представить, что все еще мы в Лондоне, и каждый день стремимся к вам. Очевидно, дело с визами займет еще время, и какое счастье, что Нетти и Энта все вы вместе. Только бы все эти передрыги не отразились на твоём здоровье. <...> И странно, во Франции президент приглашает меня, король Югославии и пр. В Бразилии новая ветвь обществ. В Нью-Йорке Британская Ассоциация⁴⁷, а тут даже визы доставляют столько хлопот. <...> Ведь и амер [иканские] и франц [узские] послы и Масарик и югославы все помогают. <...> Но теперь все наши помыслы направлены только в Кулу, к тебе, ко всем вам, милым»⁴⁸.

15 июля Е. И. вместе с Нетти и Эстер отправились в Кьеланг, в горы. Там опекавший Рерихов и явно симпатизировавший им капитан Хью Бэннон (Hugh Banon) арендовал небольшой летний домик, принадлежавший прежде английским миссионерам. (Е. И. была уверена, что высокогорный гималайский воздух — на высотах свыше 11000 футов — благотворно влияет на жизнь астрального тела!) В Кьеланге она получили новое письмо от Н. К., в котором он, между прочим, сообщил о появлении в эмигрантской прессе в Париже «интересной статьи», связывающей имя Рериха и Рюрика. Связь эта была якобы установлена на основе некоторых документов «из Фрисландии»⁴⁹. «Чрезвычайно интересное откровение, — записывает Эстер в дневнике, — в то время, когда Н. К. задерживают по каким-то неизвестным причинам, основанным на подозрении. *Его происхождение от тех, кто были первыми царями в России, установлено.* Самое подходящее время для такого откровения»⁵⁰.

Кем была написана статья и где опубликована, мы не знаем. Но из записей Эстер мы узнаем, что один из новых сотрудников Н. К. Рериха барон М. А. Таубе (юрист, профессор международного права в Гааге, председатель французского Комитета Пакта Рериха⁵¹)

⁴⁵ Мари Во Фалипо (de Vaux Phalipau), председатель «Европейского центра имени Рериха» в Париже. Эстер Лихтман встречалась с ней в Париже в марте 1929 г.

⁴⁶ Высокий путь. С. 194–195.

⁴⁷ Речь идет об Обществе друзей Музея Рериха.

⁴⁸ Дневник ЭЛ № 5. С. 207. Запись от 9 июня 1930.

⁴⁹ Фрисландия, провинция на северо-западе Нидерландов, на берегу Северного моря.

⁵⁰ Дневник ЭЛ № 5. С. 59. Комтур (фр. comte) — граф.

⁵¹ Об этом человеке Л. Д. Кандауров в работе «Официальная масонская история. Записки по истории российского масонства, 1731–1936» сообщает, что до революции он служил вице-директором 2-го Департамента МИД и преподавал в С.-Петербургском университете. Этот Таубе «имел в наших правительственных кругах репутацию знатока всего, что касается международных тайных обществ», но на самом деле в этом вопросе был «весьма мало осведомлен». О. А. Платонов. Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 222.

занимался генеалогическими разысканиями, вероятно, по его личной просьбе. В одном из писем к жене этого периода Н. К. пишет:

«Кстати, барон Таубе нашел наш род в 1265 году. Комтур-гроссмейстер Ордена Тамплиеров Фридрих фон Roerich. И по сейчас есть места замка Roeriken. Затем известен Bernard de Roerich из этого же комтурства. Нет ничего страшного, что затем имя перейдет в Ютландию. Таубе находит эту находку исключительной по древности»⁵².

А вот еще одна крайне любопытная запись. В Кьеланге Е. И. получила также письмо от уже упоминавшегося нами капитана Бэнона с газетной вырезкой о «русских аффилиациях» Рериха. «Мать и я, — пишет Эстер — с удовольствием ответили ему об имени Рюрик и Рерих и о возможно скором объявлении Н. К. *как будущего Царя*. “При этой династии страна процветет и она (династия) продолжится, поскольку имеются два наследника...”»⁵³ Вот, оказывается, зачем барон Таубе разыскивал сведения о предках Рерихов — чтобы исторически обосновать законность притязаний Николая Константиновича на российский престол, уже обещанный ему махатмами!

В Кьеланге Е. И. и ее спутницы впервые узнали (из газетных публикаций) о причине «задержания» Рериха. Такой причиной «Нью-Йорк Таймс» со ссылкой на Форин Офис назвала его «связи с Советской Россией» (associations with Soviet Russia). В газете также приводилось высказывание Л. Хорша, как главы («президента») Рериховского Музея: «Заявление, сделанное Форин Офисом в Лондоне, является ошибочным, необоснованным и абсурдным. Профессор Рерих *никоим образом не связан с Советским Правительством*. Около 40 лет своей жизни профессор Рерих посвятил делу искусства и науки. Результаты его работы за последнее десятилетие посвящены всецело (entirely) Соединенным Штатам Америки»⁵⁴. (После того, что мы знаем сегодня о переговорах Рериха в Берлине и Москве, о Великом плане, в центре которого стояла Россия, и о приобретенных им концессиях на Алтае, утверждение Хорша выглядит неискренним и лукавым. Но подобным лукавством, увы, проникнуто многое из того, что говорилось на публику Рерихами и их сподвижниками.) Николай Константинович, однако, не собирался сдаваться. В ответ на происки недоброжелателей, он организует международную кампанию в свою защиту. Надо сказать, что имя Рериха, после опубликования им в 1929 г. проекта «Пакта по охране памятников искусства и культуры в годы войны», приобрело широкую известность не только в обеих Америках, но и в Европе, где

⁵² Дневник ЭЛ № 6. С. 129.

⁵³ Там же. С. 67–68.

⁵⁴ New York Times, July 18, 1930 (India said to regard Roerich as pro-Soviet: Artist's aide here amazed at refusal of visa). Э. Лихтман также упоминает в дневнике заметку о Рерихе, опубликованную в Индии Civil and Military Gazette: “Scientist barred from India owing to his Russian affiliations” (21 July 1930).

в Париже и Брюгге в 1930 г. были учреждены постоянные комитеты «Пакта Рериха». Особенно много друзей и почитателей у Рериха было во Франции, к числу которых относился, между прочим, и президент страны Поль Думер. Так, в 1929 г. Парижский университет (Сорбонна), в котором преподавал близкий сподвижник Рериха, специалист в области международного права Г.Г. Шклявер — фактический составитель Пакта, даже выдвинул художника на получение Нобелевской премии мира.

Удивительно, но Рериха в связи с его «визовым делом» горячо поддерживали и некоторые представители высшего духовенства на Западе, такие как архиепископ Кентерберийский и глава русской православной церкви в Америке и Канаде митрополит Платон. Последний направил в Форин Офис телеграмму следующего содержания: «Николай Рерих, известный в мире художник, украсивший религиозными картинами и иконами многие церкви и монастыри, известен мне как человек высочайшей честности (highest integrity). В настоящее время проф. Рерих не может получить визу в Индию. Мадам Рерих, чье здоровье находится в опасном и критическом положении, проживает в настоящее время в Наггаре, Кулу»⁵⁵. (Интересно, что сказал бы митрополит, узнай он, что по учению Агни-Йоги, Христос был «9-м Дхиан Коганом», пришедшим на землю с Венеры, и что во время Вознесения Христос «разложил свое тело на атомы»⁵⁶?)

Продолжая оставаться все в том же подвешенном состоянии, 12 августа из Парижа Н. Рерих обратился с письмом к индийскому вице-королю. В нем он заверил Лорда Ирвина в своей политической благонадежности: «... в течение 40 лет я всегда держался в стороне от политических движений. Моя абсолютная лояльность Правительству Индии — факт, не подлежащий сомнению». (То, что Н.К. еще совсем недавно пытался разжечь пожар азиатской революции, предложив свою помощь Москве от лица гималайских махатм, — это, конечно же, не в счет!) Заканчивалось письмо в свойственном Рериху высокопарном стиле: «В тот момент как Главы Государств награждают меня знаками почета и высокой оценки, я не могу сомневаться в том, что ваш просветленный и благожелательный ум не останется безучастным к призыву во имя гуманности и Христианской милости»⁵⁷. К своему письму Н.К. приложил длиннющий список различных российских и зарубежных художественных и научных организаций и обществ, членом которых или почетным председателем он является или являлся в прошлом. (Всего в этом списке 60 наименований!⁵⁸) Себя самого Рерих

⁵⁵ ОЮС. L/P & C/10/1145. P. 37. (Перевод с английского автора.)

⁵⁶ См.: Высокий путь. С. 288.

⁵⁷ NAI. *ibid*, p. 82–83.

⁵⁸ *Ibid*, Appendix III to Notes, p. 1–2.

назвал на французский манер **«бароном Николаем де Рерихом»**, камергером Императорского двора России, действительным тайным советником и кавалером Императорских российских орденов. (Англичане не поленились провести расследование для выяснения законности «притязаний» Н. К. и установили, что он не имеет никаких прав на баронский титул и никогда не носил звания камергера.)

12 сентября, вскоре после отъезда Нетти, Эстер направила еще одно письмо вице-королю. В отличие от их первого совместного послания, написанного в довольно деловой манере, без всяких «сентиментов», это новое письмо — крик ее страждущей души, вернее пламенного сердца Агни-Йога. (Н. К. впоследствии одобрит это «огненное, чудесное письмо» Ояны.) Привожу его содержание в русском переводе:

«Ваше Превосходительство,

Обратившись этой весной к Вашему Превосходительству за помощью в вопросе о предоставлении проф. Рериху разрешения на въезд в Индию для воссоединения с Мадам Рерих, которая опасно больна, я вновь обращаюсь к Вашему Превосходительству по причине неотложной необходимости возвращения проф. Рериха.

Зная о Ваших высокогуманных взглядах, я обращаюсь к Вам на этом основании как свидетельница резкого ослабления жизненных сил Мадам Рерих по причине ее крайнего беспокойства, вызванного задержанием проф. Рериха и ее сыновей. Страдая от хронического заболевания сердца, ее состояние резко ухудшилось вследствие этой непослажившей ситуации.

Ваше Превосходительство, я взываю к Вашему великодушию как единственному Источнику, в чьей власти продлить жизнь Мадам Рерих, так как мы сделали все возможное, чтобы облегчить ее критическое положение. К нашему великому сожалению, у нас нет средств, чтобы помочь сердцу, пребывающему в постоянном волнении, если принять во внимание, что ей более 50 лет, что, естественно, осложняет дело.

Ваше Превосходительство ответили нам этой весной, что Ваш Офис не готов выдать визу (слово зачеркнуто и сверху написано: паспорт) проф. Рериху.

Возможно, сейчас Ваше Превосходительство пересмотрит дело, поскольку величайшие представители Духовного Мира и Культуры поручились за проф. Рериха как за человека высочайшей чистоты, вся жизнь которого была посвящена принесению высочайшего морального Учения в жизнь.

Зная о Вашем истинно христианском гуманном отношении как Правителя, мы едва ли можем представить себе, что это решение о запрете [въезда] проф. Рериху принадлежит Вам. Неужели голоса величайших Представителей Христианской Церкви, столь единодушно ходатайствующих о выдаче визы проф. Рериху, не возобладают над злобной клеветой? Каждый великий человек окружен завистью.

Ваше Превосходительство, я обращаюсь к Вам снять запрет с проф. Рериха и позволить ему воссоединиться с Мадам Рерих пока еще не поздно. Это мученичество в любой момент может оказаться фатальным для больного сердца.

Я умоляю Ваше Превосходительство пересмотреть благожелательно это дело в Своем Сердце, так как решение зависит от Вас. Я взываю к Вам в большом огорчении.

Символ Правителя в Учении Владыки — это сердце, и Ваша Правящая Длань знает, как разрешить эту трагическую ситуацию по справедливости.

В ожидании Вашего благожелательного ответа, я остаюсь Ваша с наивысшим почтением Эстер Лихтман

Вице-директор, Общество Друзей Музея Рериха, Нью-Йорк»⁵⁹.

Надо сказать, что еще до того, как Эстер отправила вице-королю свое «огненное» письмо, в недрах англо-индийского правительства уже окончательно вышло решение столь обременительного для него «вопроса о Рерихе». Власти были несколько напуганы намеком на возможность фатального исхода болезни Е.И., содержащемся в письме Нетти и Эстер, и решили пойти Рерихам навстречу — предоставить Н.К. кратковременную (трехмесячную) въездную визу для того, чтобы он увез жену в Америку. Таким образом, от «подозрительных» Рерихов хотели попросту избавиться. Правда, некоторым препятствием для осуществления этого плана служило приобретение Н.К. поместья Hall Estate в Нагаре, вернее, внесенный им начальный взнос (так наз. down payment) в 40 тысяч рупий. Поэтому Симла дала указание местному (Пенджабскому) правительству расторгнуть договор о покупке между Рерихом и махараджей Манди (еще не утвержденный «дурбаром» княжества Манди) и вернуть художнику деньги. Однако осуществить эту операцию — в отсутствие Н.К. — было невозможно.

Рерихи же отнюдь не собирались уезжать из Индии, особенно после того, как их Учитель поставил перед ними новую задачу — строить Город Знаний в Гималаях! Поэтому они предприняли упреждающий шаг. 7 октября Елена Ивановна отправила Эстер в Кулу с тремя чеками на общую сумму 54 тысячи рупий для уплаты махарадже оставшейся стоимости поместья («если он будет достаточно храбрым, чтобы принять деньги»). Сопровождал ее в этой поездке доктор Вальтер Коельц, американский ботаник, принятый на работу в Урусвати в качестве руководителя ботанической секции для проведения полевых исследований в высокогорных Гималаях⁶⁰. Незадолго до этого, в самом конце сентября, рериховский Ашрам — Дом, где исполняются желания (House of Fulfillment) посетил по поручению Пенджабских властей некто

⁵⁹ Дневник ЭЛ № 6. С. 135–136.

⁶⁰ Там же. С. 162.

Файлбус (Phailbus), английский чиновник — «субдивизионный офицер» (sub-divisional officer) округа Кангра, один из частых посетителей Hall Estate. Встретила его Эстер, и он сообщил ей конфиденциально о намерении правительства подвергнуть Е.И. медицинскому обследованию, чтобы удостовериться, что она действительно больна. Казалось бы, столь гуманное решение проблемы следовало приветствовать, но не тут-то было. Эстер встретила «предложение» Файлбуса в штыки: «Это новое оскорбление. Я сказала ему, что не смогу поставить в известность М-м Рерих [о решении властей], ибо ее гнев может оказаться для нее фатальным. Я несу ответственность за жизнь Матери в отсутствии Н.К. и не могу позволить [освидетельствование] без разрешения Н.К., поскольку знаю, какие последствия это может иметь. Если после всех голосов величайших представителей культуры и [различных] стран, имеет место подобное отношение Правительства [Индии], значит, нам не доверяют, но и мы также не доверяем [Правительству], поскольку врач вынесет единственный вердикт — тот, который устраивает официальных лиц, что позволит им не допустить Н.К. в страну»⁶¹.

Таким образом, Эстер ничего не сообщила Е.И. о визите английского чиновника. Три дня спустя она снова встретилась с Файлбусом, которому повторила свой довод — что на ней лежит большая ответственность за жизнь Е. Рерих и что она сделает все от нее зависящее, чтобы «объяснить ситуацию» правительству Пенджаба. С этой целью Эстер решила совершить поездку в Лахор, совместив ее с посещением дантиста, чтобы не вызвать подозрений у Матери («Мать ничего не узнает и не будет волноваться») ⁶². В тот же день она составила официальное письмо на имя Файлбуса. В нем она писала, что «не готова говорить с Мадам Рерих» о сделанном ей предложении, поскольку это может иметь для больной женщины фатальный исход. Далее Эстер подробно описала болезнь Е.И.:

«Работа сердца М-м Рерих поддерживается стимуляторами и лекарствами наподобие эфирного камфорного масла, строфантина, спермина, адониса вернаписа, прописанных ей семейным врачом и доктором Лапейром (Dr Lapeyre) в Париже, лечившим ее. Эти лекарства присылаются нам из Парижа по воздушной почте. Пульс М-м Рерих колеблется во время приступов от 135 до 145 ударов. В более или менее нормальном состоянии сердце бьется очень неравномерно с остановками между ударами.

Никто в ее семье не жил дольше 55 лет. М-м Рерих, которой сейчас 52 года, очень тревожится из-за этого. Отец М-м Рерих умер от той же самой хронической болезни сердца. За несколько дней до его смерти с ним случился сердечный приступ, он оправился от него, и один

⁶¹ Дневник ЭЛ № 6. С. 152–153. Перевод с английского автора.

⁶² Там же. С. 155.

из именитых врачей объявил, что он находится в очень хорошем состоянии и «здоров как дуб», но спустя три дня он умер.

Мучительное страдание по причине разлуки с мужем и сыновьями, которое продолжается более 16 месяцев, серьезно ухудшило состояние сердца М-м Рерих. Малейшее беспокойство вызывает у нее приступы, и постоянная тревога поглощает ее силы»⁶³.

В конце концов, Эстер пришлось сообщить Матери о «кошунственном» решении индийского правительства, и оно вызвало у нее вполне ожидаемую реакцию. Елена Ивановна решительно отказалась встречаться с английским врачом, мотивировав это унижительностью самой процедуры. Хотя, по правде говоря, в этой процедуре не было ничего особенно унижительного. Тем более что чиновники, понимая всю деликатность ситуации, были даже согласны отправить к Е. Рерих в Наггар врача-женщину. Все, чего они хотели, это удостовериться, что ее заболевание настолько серьезно, что не позволяет ей самостоятельно совершить путешествие по морю из Индии в Европу или Америку. В этой связи надо отметить, что определенный повод для сомнений английским чиновникам дала поездка Е.И. в Къеланг летом 1930 г., поскольку больным-сердечникам категорически противопоказано нахождение на больших высотах в разреженной атмосфере. Чтобы добраться до Къеланга, ей пришлось совершить переход через высокогорный перевал Ротанг (13 500 футов или 4000 м над уровнем моря) с немалым риском для жизни.

Летнее пребывание в Къеланге, однако, не облегчило страданий Елены Ивановны. Напротив, из дневников Эстер мы узнаем, что ее преследовали все те же «ужасные боли» в солнечном сплетении и коленях, головокружения и обмороки, приступы рвоты и т.д.

8 октября Эстер вместе с ботаником доктором Коельцом отправилась в Манди. Здесь они встретились с махараджей и его женой. Эстер сразу же приступила к делу — рассказала радже об Институте гималайских исследований и научных планах Рерихов, однако ее попытка заключить с ним договор на покупку имения, по уплате его полной стоимости, не увенчалась успехом. Раджа дал понять, что он не может пойти навстречу Рерихам — по политическим соображениям и во избежание осложнений с властями — и просил время на размышление. В Манди же Эстер получила телеграмму от Н. К. с сенсационной новостью — Н. К. и Юрий едут в Пондишери, во Французскую Индию!

Эту радость несколько омрачила последовавшая затем поездка в Лахор для встречи с главным министром Пенджабского правительства Д. Дж. Бойдом (D. J. Boyd). От него Эстер узнала, что правительство

⁶³ Дневник ЭЛ № 6. С. 156–157. Письмо Эстер датировано 29 сентября 1930. Перевод с английского автора.

Индии считает «непостижимым», чтобы «пациент, страдающий от сердечной болезни» (Е.И. Рерих), нуждался в высокогорном климате, и потому решило не допускать проф. Рериха в страну. Министр также пояснил, что его правительство было «достаточно великодушным, допуская (в страну) другие научные экспедиции», но что проф. Рерих «помимо научных целей имеет *что-то другое на уме*». А потому «единственно, чего в настоящее время желает его правительство, это медицинского освидетельствования М-м Рерих». (Подобная прозорливость английского чиновника не может не изумлять — ведь действительно, как мы хорошо знаем теперь, кроме научных целей у Рерихов на уме было и «что-то другое».) Эстер, однако, вновь заявила, что «не может принять на себя ответственность» за передачу Е.И. этого решения, поэтому Бойд продиктовал ей текст официального уведомления: «The Indian Government require proof that M-me Roerich is too ill to travel and wish medical examination by the civil surgeon» (Правительство Индии требует доказательства того, что м-м Рерих слишком больна, чтобы путешествовать, и желает подвергнуть ее медицинскому освидетельствованию гражданским врачом)⁶⁴.

Через месяц (4 ноября) Н.К. Рерих вместе с Юрием и доктором К.К. Лозиной-Лозинским благополучно прибыли из Франции в Пондишери. Здесь художник продолжил борьбу за право вернуться к больной жене в Британскую Индию. 11 ноября он направил письмо лорду Ирвину, в котором описал драматизм сложившейся ситуации, частично повторив доводы Эстер, содержащиеся в ее письме, и в то же время дал заверения: «Ни я, ни кто-либо из моих сотрудников не имеют каких-либо политических пристрастий и связей с политическими партиями, и во время нашего пребывания в Индии мы всегда сохраняли наше лояльное отношение к существующим властям». «Мы решили приехать в Пондишери, — писал Н. Рерих далее, — чтобы выиграть время и быть ближе к моей больной жене. <...> Я уверен, что вы примите во внимание эту действительно драматическую ситуацию моей семьи и дадите нам разрешение для посещения Кулу, что является *единственной целью нашего путешествия*»⁶⁵. В том же письме Н.К. сообщил весьма важную подробность — что он и его старший сын имеют французские паспорта, а доктор Лозина итальянский. Здесь необходимо пояснить, что до 1930 г. Рерихи (Н.К., Юрий и Святослав) путешествовали, имея на руках французские удостоверения личности (так называемые *certificats d'identité*), выданные в 1923 и 1924 гг. префектурой полиции в Париже. Такие удостоверения выдавались французскими властями, как правило, русским эмигрантам, имевшим на руках, как и Рерихи, давно уже не действительные паспорта Временного правительства России.

⁶⁴ Дневник ЭЛ № 6. С. 166.

⁶⁵ NAI, *ibid*, pp. 63–64 (doc. # 224).

Однако, если верить утверждениям британских чиновников, Н.К. и Юрий, находясь в Париже летом 1930 г., смогли каким-то образом получить настоящие паспорта Французской Республики⁶⁶. Тот факт, что Рерихи въехали на территорию Французской Индии как полноправные граждане Франции, очень удивил представителей англо-индийского правительства. Напрашивался вполне резонный вопрос, каким образом Николай Константинович и Юрий, не проживавшие постоянно во Франции, смогли получить французское гражданство? Тут же появились сомнения, что их паспорта не подлинные, а были приобретены «каким-то незаконным образом» (by some nefarious deed). И действительно, в письме вице-королю Н. Рерих заявляет вполне определенно, что он и Юрий имеют «французские паспорта», а не удостоверения личности (I and my son George have French Passports...). Как бы то ни было, вице-король лорд Ирвин не усомнился в правдивости слов Рериха. Решив проявить великодушие, он распорядился выдать Н.К. и его сыну трехмесячную индийскую визу. Правда, Рерихам пришлось дать письменно обязательство, что они покинут страну по первому требованию властей. Отношение же последних к Рерихам продолжало оставаться крайне подозрительным. Так, сразу же после выдачи виз индийское правительство приступило к сбору информации о Н. Рерихе и его окружении в Кулу. С этой целью разведывательный отдел (Intelligence Bureau) Департамента внутренних дел направил циркуляр помощнику резидента в Кашмире с просьбой информировать отдел о «всех передвижениях и деятельности Рериха, где бы он ни находился», проявляя при этом максимальную осторожность, чтобы «не возбуждать подозрений у Рериха или давать ему повод для жалоб на то, что он находится под полицейским надзором»⁶⁷. Одновременно были даны указания администрации Пенджаба принять меры, чтобы не позволить Рериху и его «компании» остаться на постоянное жительство «где-либо в Индии», а именно аннулировать покупку Н. Рерихом земельно-лесной собственности в Кулу.

Н. Рерих, Юрий и доктор К.К. Лозина-Лозинский (три мушкетера) покинули Пондишери 5 декабря и неделю спустя (11 декабря) их уже встречали в Hall Estate Елена Ивановна, Эстер и другие обитатели поместья. Начальник почтовой конторы в Наггаре даже прислал Е.И. свои поздравления по этому случаю. «Утро казалось нам вечностью, пока мы не увидели наших любимых Н.К. и Юрия, — записала в дневнике Э. Лихтман. — Оба появились верхом, первым был Юрий и за ним следом на белом коне Николай Константинович. «Наш Белый Гуру! Сколько силы и света он излучает, какую чистоту излучает все его

⁶⁶ У Н.К. Рериха был французский паспорт № 26867, а у Юрия № 26868. Оба были выданы французским МИД 3 июля 1930. См. NAI, *ibid*, pp. 89–90.

⁶⁷ NAI, *Ibid*, p. 65. Циркуляр датирован 9 декабря 1930.

существо, и тем не менее он должен был страдать от клеветы и жестокости британцев! Мать была так взволнована, увидев снова его седую голову — ее голос дрожал, когда она окликнула Н. К., и ее сердце испытало такую большую нагрузку»⁶⁸.

В дневниках Эстер мы находим немало интересных фактов из жизни Рерихов этого весьма драматичного периода — времени их «битвы в Гималаях». Надо сказать, что личность русского художника постоянно возбуждала какие-то невероятные, фантастические слухи, например, что он ищет «цветок вечной жизни» (такой слух ходил среди обитателей Кулу), или, что от одного его взгляда седеют волосы. В то же время, вынужденное затворничество Елены Рерих (на людях она показывалась крайне редко) и особенно ее «огненные» застольные беседы с редкими посетителями Hall Estate создали вокруг ее имени ореол чуть ли не святой женщины. Так, неоднократно посещавшая дом Рерихов некто г-жа Финч (мать капитана Джоржа Финча, одного из участников английской экспедиции на Эверест в 1922 г.) в своем письме вице-королю в защиту Рерихов отмечала, например, что г-жа Рерих «пребывает в тесном живом контакте с Христом и его спутниками, так что нахождение вблизи нее подобно духовному омовению»⁶⁹. Помимо «общения» с Христом, а также Буддой и другими Братьями, Владыками Шамбалы, Е. И. в этот период трудилась не покладая рук над переводом с английского «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской. Чтобы заглушить звуки печатной машинки, она подкладывала под нее одеяло и наглухо закрывала окна, что также давало повод для подозрений.

Любопытна запись, сделанная Эстер 15 декабря:

«Foreign Office and British Government gave one and the same reply to those who intervened on Prof. R's behalf for visas — Prof. R. is a descendent of Rurik's, the Russian people may appeal to N.K. to be their monarch, and it is not in the interest of the British Government to support a man of this magnitude»⁷⁰. (Форин Офис и Британское правительство дали одинаковый ответ всем, кто ходатайствовал о выдаче проф. Р. визы: проф. Р. — наследник Рюрика, русские могут обратиться к Н. К., чтобы он стал их монархом, и не в интересах Британского правительства поддерживать человека такой величины.)

Возможно ли, чтобы официальные представители правительства Великобритании дали такой ответ многочисленным защитникам Н. Рериха? Сомнительно. Можно, впрочем, предположить, что Эстер просто пересказывает содержание заметки из какой-то эмигрантской газеты. Нет сомнения, однако, что Рерихи верили в возможность воцарения Николая Константиновича — Владыки Николая — в Новой

⁶⁸ Дневник ЭЛ № 7. С. 49.

⁶⁹ Дневник ЭЛ № 6. С. 207. Письмо от 29 октября 1930 г.

⁷⁰ Дневник ЭЛ № 7. С. 56.

России. Ведь этого, по сути, желали их Учителя. Достаточно почитать записи посланий махатм в 1931 г., в которых о Н. К. прямо говорится как о спасителе народов и мессии: «Великий Фуяма поставлен Нами для установления Высшего Закона»; «Великий Фуяма стоит истинным водителем народов»; «Мы провозглашаем Рериха как *спасителя народов*»⁷¹. Рерих — Огненный Посол Махатм, Мировой и Русский Вождь (Переодетый Ленин), в прошлых рождениях первый иудейский пророк Амос, Пятый Великий Далай-лама и китайский император. В будущем — царь России. Но царь-наместник (Наш Наместник Фуяма), ибо над ним незримо стоит надземный Иерарх, учительствующий дух Алал-Минг, он же махатма Мория. 6 ноября 1931 г., в канун праздника Октябрьской революции в СССР Е. Рерих записывает: «Утвержден вождь Российской Азии, Алал-Минг, во всех его состояниях»⁷².

Тема строительства Новой России и ее великого будущего под скипетром новых русских царей Рерихов-Рюриков, вероятно, обсуждалась в эти годы Рерихами с членами Круга, однако она почти не нашла отражения в дневниках Эстер Лихтман. Некоторые записи, впрочем, довольно любопытны. Например, в середине декабря 1931 г. Рерихам пришло длинное письмо от начальника почтовой конторы из Манали, в котором он писал о «великих вождях Индии» — Раме, Кришне и других, о постоянной борьбе между Риши и Ракшасами и о том, что современная Индия нуждается в новом вожде. «Индия ожидает их (вождей. — А. А.), и они могут прийти отовсюду и в любом обличи» — переписывает Эстер в свой дневник слова индуса-почтмейстера, после которых ставит три восклицательных знака. И далее добавляет уже от себя: «Британцы рассматривали бы это как призыв к Н. К. стать лидером... Уже существует страх того, что Рерих, наследник Рюрика, будет призван править Россией. Движение африди (в индо-афганской пограничной полосе. — А. А.) также началось, как только Н. К. уехал отсюда, говорят британские чиновники. Монголия и Китай также подняли восстания, хотя из Монголии большевики не выпускали Н. К., не давая ему разрешения, а в Хотане Рерихи были узниками и ожидали много недель, чтобы получить разрешение. Кто-то опубликовал в прессе о «таинственном Рерихе», «переодетом Махатме». Где-то живет вера в великого Славянина, который придет и будет править, по предсказанию, сделанному несколько веков назад Нострадамусом, и по пророчеству Толстого — он будет править Россией. Где-то живет вера в Рериха, посланца Сил Света»⁷³.

Негласная слежка за Рерихами в Кулу, продолжавшаяся три месяца, однако не выявила ничего предосудительного в их поведении или деятельности. В результате в начале марта 1931 г. были сняты

⁷¹ Высокий путь. Кн. 2. С. 223, 232, 252.

⁷² Там же. С. 263.

⁷³ Дневник ЭЛ № 7. С. 62–63.

ограничения, касающиеся срока пребывания Н. Рериха в Индии. Отпала и необходимость в медицинском освидетельствовании Е. Рерих. Дневник Эстер Лихтман неожиданно прерывается на записи 13 марта, и нам остается лишь гадать почему. Следующая тетрадь содержит краткое описание ее двухнедельной поездки вместе с остальными Рерихами в Лахул (1–15 июля). После возвращения в Наггар Эстер, очевидно, стала собираться обратно в Америку, поскольку в августе 1931 г. она уже находилась в Нью-Йорке.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА (1934)

Последняя дневниковая тетрадь Э. Лихтман озаглавлена: «1934. Diary Leaves. From February 12th to October 13th. My 2nd trip to the Himalayas» (1934. Листы дневника. 12 февраля — 13 октября. Моя вторая поездка в Гималаи).

Эстер приехала в Кулу во второй раз в начале 1934 г. К этому времени из под ее пера вышло еще одно литературное произведение — эссе о Н. К. Рерихе, опубликованное в виде отдельной брошюры на русском и на английском языке под псевдонимом Жан Дювернуа (Jean Duvernois)⁷⁴. Английское издание было приурочено к открытию конференции, посвященной Пакту Рериха, состоявшейся в Вашингтоне 17–18 ноября 1933 г. По мнению рериховедов, это одно из лучших литературных эссе о жизни и творчестве Н. К. Рериха.

Дневник Эстер открывается записью, сделанной по-английски 13 февраля, в день рождения Е. Рерих — Матери: «Я открываю эту тетрадь молитвой благодарения за то, что нашла тебя, Возлюбленная Мать. Я открываю ее в твой день. Благословен Владыка, приведший нас к тебе, по этой великой стезе служения»⁷⁵.

Запись эта не оставляет сомнения в том, что Е. И. продолжала оставаться духовным наставником Эстер, боготворимым ею существом. Но и Е. Рерих, со своей стороны, сохранила то особенное чувство доверия и привязанности к Эстер, которое позволило ей некогда назвать ее своей духовной сестрой. В день Пасхи (1 апреля) она достала из шкатулки тибетское коралловое ожерелье и, разделив его надвое, подарила одну из нитей любимой ученице.

В отличие от предыдущих дневников, этот последний, девятый, довольно краток и фрагментарен. Фактически записи Эстер обрываются 7 сентября. Далее следуют наклеенные на листы вырезки из газет: из лахорской «Civil and Military Gazette» об убийстве югославского

⁷⁴ Ж. Дювернуа. Рерих: Фрагменты биографии: К 10-летию культурных учреждений Рериха в Америке. Рига, 1932. 42 стр.; Jean Duvernois. Roerich: Fragments of a biography. New York, 1933.

⁷⁵ Дневник ЭЛ № 9. С. 1.

короля Александра (одного из покровителей Рериха) и из американских «Tribune» и «New-York Times» (от 25, 27 и 28 декабря 1934) с сенсационным сообщением об аукционной продаже Мастер-Билдинга (Дома Мастера) за долги держателям акций этого здания, согласно утвержденному Верховным Судом США плану реорганизации Музея Н. Рериха.

Великая депрессия не обошла стороной рериховские Учреждения в Америке. Тучи над американской «Державой Рериха» нависли уже в 1932 г., спустя три года после торжественного открытия Дома Мастера на Манхэттене 17 ноября 1929 г. Именно тогда начался судебный процесс Музея с банком, ссудившим Л. Хоршу деньги для постройки Мастер-Билдинга. Суд назначил управляющего имуществом (receiver) и распорядился о проведении аудита коммерческой деятельности Музея — по Нью-Йорку ходили слухи о больших зарплатах и бесплатных квартирах его сотрудников, неэффективном менеджменте и как следствие неминуемом банкротстве⁷⁶. Но Рерихам удалось избежать катастрофы, по крайней мере в 1934 году.

Годы 1934 и 1935 — переломные в судьбе Рерихов, последний «большой пик» в художественной, культурно-просветительской и предпринимательской деятельности Н.К., за которым последовал большой обвал — утрата Музея и всех его коллекций, самовольно «приватизированных» Л. Хоршем. Но главное — это распад Круга. Такой катастрофы Учитель Мория никак не предвидел (и уж тем более сами Рерихи). Напротив, как и в прежние годы, он обещал Рерихам — Гуру и Таре — полный успех, победу во всех их делах и начинаниях.

В феврале 1934 г., вскоре после приезда Эстер в Кулу, Н.К. вместе с Юрием опять отбыли в Америку. (Тяжелое состояние Е.И. их, очевидно, не смущало.) Там Рериха ждала встреча с его новым другом, учеником и покровителем — министром земледелия США Генри Уоллесом. Уоллес увлекался теософией и оккультизмом вообще и в то же время в большой степени разделял мессианские идеи Рерихов. Он был посвящен в подробности Великого Плана и изъявлял готовность содействовать строительству Новой Страны. Через Уоллеса (эзотерические имена Друг и Галахад) осуществлялась связь Рерихов с Белым домом — с президентом США Ф.Д. Рузвельтом (Главный, Пламенный, Шаткий), который также поначалу проявлял интерес к их учению и контактам с потусторонним миром. Рерихи стремились расположить Рузвельта к себе, уверить его в том, что оба они связаны с некой могущественной высшей Иерархией и выполняют возложенную на них свыше мировую миссию, чтобы, в конечном счете, подчинить президента воли Владык — фактически самим себе, как «посланцам» Иерархов. В письмах Е. Рерих сотрудникам в Нью-Йорке начала 1930-х Н. Рерих именуется не иначе как

⁷⁶ См. *Robert C. Williams. Russian Art and American Money, 1900–1940. Harvard University Press, 1980. P. 135 и далее.*

Посланец. «Обработка» Шаткого была поручена Галахаду, которому Е. И. через Ф. Грант (Модру) и Л. Хорша (Логвана) посылала соответствующие инструкции. Например, что он (Галахад) должен «при каждом удобном случае говорить с Шатк [им] именно только о значении Пос [ланца], о его знании всего происходящего, о его замечательном предвидении. <...> Шаткий должен знать о Посланце»⁷⁷. Этому каналу влияния на мировые события — через Уоллеса и Рузвельта — Рерихи придавали исключительно большое значение в канун Великой битвы сил света и тьмы.

Какую роль играла во всех этих событиях Эстер Лихтман? 1934 год она провела в Кулу с Е. И. Рерих, но, как уже отмечалось, дневник ее второго посещения рериховского Ашрама необычайно краток. О поездках Н. К. Рериха вместе с Юрием в Японию и затем Маньчжурию (Харбин) в нем только две короткие записи.

«Received letter from Father from the boat President Jackson upon landing in Japan. Father's letters describe the glorious reaction in Japan, the friendliness and solicitude, esteem shown in every way. I am so happy!» (Получили письмо от Отца с борта корабля «Президент Джексон» по прибытии в Японию. Письма Отца описывают великолепный прием в Японии, дружелюбие и заботливость, почтение, проявленное всеми возможными способами. Я так счастлива!)⁷⁸

В Харбине Рериха встречали с не меньшим почетом.

«Father's first letter from Harbin — wonderful reception and wonderful interviews and articles appeared in Russian newspapers about NK. However in no review given by NK or George is Mother's name mentioned, as if does not exist. She is not mentioned as having participated in the Expedition nor as Co-Founder of the Himal. Research Institute whereas Urusvati as the City of Knowledge was her idea. Mother resented this silence and feels hurt». (Первое письмо Отца из Харбина — чудесный прием и чудесные интервью и статьи, появившиеся в русских газетах о Н. К. Однако ни в одном интервью, данном Н. К. и Юрием, не упоминается имя Матери, как если бы она не существовала. Она не упоминается как участница Экспедиции и как Сооснователь Гималайского исследовательского института, тогда как Урусвати, как Город Знаний, — это ее идея. Мать возмущена этим молчанием и чувствует себя оскорбленной.)⁷⁹

Итак, Япония встретила Рериха чуть ли не с распростертыми объятиями, и Елену Ивановну и Эстер это очень обрадовало. Но почему? Какая конкретная роль отводилась Японии в Великом Плане Рерихов? Ответить на этот вопрос не просто. Ясно одно — буддийская Япония виделась Н. К. в качестве антипода большевистской России, стране

⁷⁷ Е. И. Рерих. Письма в Америку. Т. I (1929–1936). С. 196. Письмо сотрудникам от 31 мая 1934.

⁷⁸ Дневник ЭЛ № 9. С. 60.

⁷⁹ Там же. С. 62.

«тигров», и он делал на нее определенную ставку в своем глобальном оккультно-геополитическом проекте в канун тех эпохальных событий, которые, по предсказанию махатм, должны были потрясти Азию. Война Шамбалы и явление мессии Будды-Христа — вот то, чего ожидали в самом ближайшем будущем Рерихи, отправляясь в Маньчжурскую экспедицию. При этом Рерихи, как и во время Тибетского похода, вновь делали ставку на Панчен-ламу, ключевую фигуру в буддийских пророчествах о начале Шамбалы.

О том, что Рерихи поддерживали тайную связь с Панчен-ламой (Таши-ламой) через его приближенных, свидетельствует несколько скупых записей в дневнике Эстер, относящиеся к середине 1929 г.:

«20 мая 1929. Пришло письмо от представителя Та [ши]-Ла [мы], о том, что он просит рекомендательное письмо для Т.Л. от Американских Учреждений, от Буддийского центра»⁸⁰.

«8-го июля [1929] получили фотографию Т.Л., персланную нам Ламой М и письмо от его друга на тибетском языке Н.К. и всей семье адресованное. Просил переслать немедленно Н.К. в Америку, но мы подождем, как нам было Указано»⁸¹.

О контактах Рерихов с Панчен-ламой в 1930-е гг. Эстер ничего не сообщает. Впрочем, в ее дневниках за 1931 и 1934 годы имеются большие лакуны — после разрыва с Рерихами многие страницы были ею уничтожены.

Находясь в Пекине летом 1934 г., Рерих жадно ловил слухи о якобы посланном Панчен-ламой караване с оружием в Тибет. Возможно, как и в 1927 г., он был готов примкнуть вместе с сыном к «воинам Шамбалы». В ходе своей второй экспедиции, передвигаясь по окраинам Гоби, он вступил в контакт с влиятельным монгольским князем Деваном, сторонником Панчена, стоявшим во главе движения за автономию Внутренней Монголии, и вел с ним какие-то переговоры. В экспедиционном дневнике Рериха за 1935 г. мы читаем: «Ездили в ставку к князю. Сам он находится в Батухалке. <...> Представитель Панчена предлагает нам переехать в дом, данный Панчену. Провели очень долгое время *в разных разговорах*. Очень жаль, что нет сведений о буряте, который так нужен для разговоров»⁸².

Панчен-лама умер в 1937 г. на пути в Тибет, и с его смертью рухнули последние надежды Рерихов на «приход Шамбалы». Вернее, сроки «великой Войны Шамбалы» были передвинуты Е.И. на 1940-е годы. Тем временем она начала говорить об Армагеддоне, якобы начавшимся в 1931 г. в «тонком мире», где силы света, возглавляемые архангелом

⁸⁰ Дневник ЭЛ № 1. С. 66.

⁸¹ Дневник ЭЛ № 2. С. 57.

⁸² Н.К. Росов. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935)//Ариаварта. № 3. С-Петербург, 1999. С. 87. Запись от 9 мая 1935.

С.Н. Рерих. Чаша Будды (1934).
Майсорский дворец (Майсор, Индия)

Михаилом, сражаются с силами тьмы во главе с Люцифером. Победа «светлыми», однако, будет одержана только в 1949 г., уже после смерти Николая Константиновича.

* * *

Наиболее интригующая запись в дневнике 1934 г. — сообщение Эстер о чудесном появлении в доме Рерихов так называемой Чаши Будды. Насыщенный многими подробностями, ее рассказ, по сути, является совершенно новым источником сведений об этом удивительном событии.

По версии рериховедов присылка Рерихам «Чаши Будды» махатмами была predetermined свыше. Это «величайшее знамение в преддверии Новой Эпохи», которое дается человечеству «в соответствии с космическими циклами», — утверждает А.М. Шустова. Тот же автор высказывает предположение, каким образом «Чаша Будды» могла появиться у Рерихов — она либо материализовалась из воздуха, либо прилетела к ним по воздуху из Шамбалы (?!). «По легендам и преданиям, она (Чаша) появлялась и исчезала, летала по воздуху в ту страну и место, где ей надлежало быть»⁸³. По сути, А.М. Шустова пересказывает версию самих Рерихов. Так, в письме М. Лихтману в 1936 г. Святослав Рерих привел легенду о Чаше, изложенную в книге известного китайского путешественника Сюань-Цзаня (VIII век н.э.): «Чаша путешествовала с места на место, передвигаясь таинственным образом по воздуху, творя чудеса на благо людей до тех пор, пока не скрылась из виду во дворце Короля

⁸³ А. М. Шустова. Явление Чаши//Серебряная Чаша. М., 2005. С. 172–173.

Драконов Сагары (Шамбалы. — А.А.). Там она останется до прихода Будды Майтрейи, когда она вновь появится, чтобы быть свидетельницей»⁸⁴.

Любопытно, что еще во время первого визита в Кулу Эстер услышала о Чаше от Ю. Рериха со ссылкой на книгу упомянутого выше Сюань-Цзяна: «Чаша Будды», как и другие древние буддийские реликвии, находится в местности Ku-du-to, то есть в долине Кулу! Этот факт в тот же день подтвердил во время вечерней «беседы» Учитель: «В этой местности имеются следы Будды, Христа и Майтрейи. Сказано было тогда, что Чаша Будды находится в золотом ковчеге с старо-индийскими надписями»⁸⁵. Из дневников Эстер 1929–1931 гг. мы узнаем, что Рерихи проявляли большой историко-археологический интерес к долине Кулу — Святослав даже пробовал копать в окрестностях Наггара на месте старинного индийского замка, который он собирался купить.

О появлении Чаши Будды Эстер рассказывает в записях от 3 и 4 марта 1934 г.:

3 March [1934]. It is a day of events. At 1:30 Mother found the promised Chalice of Buddha in the little wooden carved box from Lahul at the feet of the painting Fiat Rex — at the feet of the Lord. Indescribable was Mother's joy and our joy. The fingerprints were seen so vividly on the Chalice. The Chalice must have been there for some time because Raya saw it on the 6th January and she warned George of it. — I saw in a dream before the 13th February that the token was in the house and searched with Sv. who found it.

4 March. <...> Mother told me more of the miracle of the bringing of the Chalice of Buddha. I was told yesterday that it was brought on the 3rd January, and Mother just read me from her diary of the night from the 3rd to 4th of Jan. that she saw a figure clad in cyclamen color, it was hidden in a mist and the hand stretched out upon which was as if the Chalice and other objects. Mother witnessed the Miracle. She feels however ... that George hid from her that Raya saw the Chalice's wooden box.

(3 марта 1934. День событий. В 1 ч. 30 м. Мать обнаружила обещанную Чашу Будды в маленьком деревянном резном ящичке из Лахула у подножия (триптиха) Fiat Rex — у ног Владыки. Неописуемой была радость Матери и наша радость. На поверхности Чаши хорошо видимы отпечатки пальцев. По-видимому, Чаша находилась там некоторое время, потому что Рая видела ее 6-го января, и она предупредила Юрия. — Я видела во сне накануне 13 февраля, что Знак находится в доме, и искала со Святославом, который и нашел его.

4 марта. <...> Мать рассказала мне еще о чуде принесения Чаши Будды. Мне было сказано вчера, что ее принесли 3 января, и Мать прочитала мне из своего дневника запись в ночь с 3 на 4 января о том,

⁸⁴ С. Н. Рерих. Письма. Т. I. М., 2004. С. 188. Письмо от 28 мая 1936.

⁸⁵ Дневник ЭЛ № 9. С. 52. Запись от 13 мая 1929.

что она видела фигуру в одежде цикламенового цвета, она была окутана туманом и на протянутой руке находилась Чаша и другие предметы. Мать была свидетельницей чуда. Она чувствует, однако... что Юрий скрыл от нее, что Рая видела деревянный ящик Чаши⁸⁶.)

Удивительный парадокс! Владыки Шамбалы послали Рерихам второе сокровище (первым был Камень Ориона в 1923 г.), но его почему-то находит их служанка, Рая Богданова. Два месяца Чаша в деревянном ларце (а не «золотом ковчеге») скрывается где-то в их доме, прежде чем ее «случайно» обнаруживает Елена Ивановна. В этой истории немало странностей и откровенных неувязок, недвусмысленно намекающих на какую-то скрытую от нас интригу. Найдя шкатулку с Чашей, Рая почему-то сообщает об этом, прежде всего, Юрию, а не его родителям. Юрий же не торопится рассказать об этой удивительной находке своей матери (а знали о ней Н. К.?). Но из второй записи Эстер от 4 марта оказывается, что Е. И. все-таки знала о том, что Чаша была принесена 3 января!

Обращение к собственному дневнику Е. Рерих не проясняет этой запутанной истории. Чаша Будды упоминается в нем несколько раз в период между январем — мартом 1934 г., но записи посланий Мории, как всегда, покрыты густым мистическим налетом. Так, 1 января Е. И. слышит голос Учителя: «Нужно ручным русским указать на чудо с Чашей». (Кто они, «ручные русские» — граждане СССР или русские эмигранты в Харбине?) 23 января следует новое послание: «Вы будете знать, где заложена чаша. Пусть это место под магнолией будет напоминать о стране, которая готова идти под знаменем Владык»⁸⁷. («Место под магнолией», очевидно, находилось в саду в усадьбе Рерихов в Наггаре, а магнолия — это, по всей видимости, символ Японии, куда собирался ехать Н. К.)

Вообще в большинстве январских записей явно доминирует тема «явления» не Чаши, а нового вождя России — Фуямы: «Россия чувствует, что среди русских явится вождь»; «Русские чувствуют, что Фуяма может спасти Россию». В самом начале февраля Мория опять намекает на коронацию Рерихов и собиранье народов «на подвиг»: «... Наш Фуяма идет на царственный путь к победе. Так быть царю белому и царице белой»; «... Наш посол будет собирать народы на подвиг»⁸⁸. (В одном из писем сотруднику Е. И. прямо называет своего мужа Спасителем мира, Посланцем Высших Сил⁸⁹).

3 марта Мория наконец-то сообщил Владычице Урусвати, то есть Елене Ивановне, что «магнит в Ашраме» и что «Чаша — дар отца дочери». «Дочь», однако, откровенно расстроена тем, что не она обнаружила Чашу: «Владыка, мне так больно, что ее нашла Рая!», но «Отец»

⁸⁶ Дневник ЭЛ № 9. С. 8.

⁸⁷ Высокий путь. Ч. 2. С. 417, 420.

⁸⁸ Там же. С. 422. Записи от 2 и 3 февраля 1934.

⁸⁹ Е. И. Рерих. Письма в Америку. Т. 1: 1929–1936. М., 1996. С. 182. Письмо от 16 мая 1934.

успокаивает Е. И.: «Научимся другой раз лучше хранить тайну о предстоящих посылках. Очень прошу родную Свати не волноваться, столько прекрасного впереди». И вновь повторяет: «Явление Чаши было послано как дар отца дочери — пусть все запомнят»⁹⁰. На другой день Е. И. получает еще одно послание от Мории: «Конечно, Урусвати знала, когда чаша была принесена». (Не будем, однако, забывать, что весь этот диалог с Учителем происходил не наяву, а в голове у Е. И.)

История с «явлением» Чаши Будды в Нагаре удивительным образом напоминает другое чудо — «явление» в Париже десятью годами ранее Черного Камня. Рериховские «чудеса» («чудо», по определению Е. И., это «проявление тончайших энергий») совершаются не спонтанно и самопроизвольно, а ровно в назначенный — «суженый» — срок, и имеют символическое значение — являются «свидетелями» особо важных событий мирового масштаба. И Черный Камень и Чаша Будды — «величайшие знамения» наступления Новой Эры! Обратим внимание также на тот факт, что обе реликвии, и Камень и Чаша, предназначались для Храма Духа Разумения в будущем Городе Знаний, но знали об этом, кроме четырех Рерихов, только члены Круга и ... мифические Гималайские Братья.

Как и в случае с Камнем, можно дать только одно *рациональное* объяснение этого второго чуда — к его совершению были причастны сами Рерихи. Иначе говоря, мы имеем дело с еще одной мистификацией. Никакой незнакомец в «одежде цикламенового цвета» с деревянным ящиком в руках не смог бы незаметно, тем более ночью, проникнуть в дом Рерихов. В Нагаре, этой маленькой гималайской деревушке, где каждый человек был на виду, посещение дома Рерихов — «больших сагибов» — кем бы то ни было неизменно привлекало к себе внимание местных жителей и в то же время скрупулезно фиксировалось агентами англо-индийского правительства.

Собственно говоря, и чашу и резной ларец для нее «из Лахула» мог приобрести Юрий Рерих. Поразительно, но его имя фигурирует в обеих историях с рериховскими чудесами. В Лахуле, между прочим, Рерихи побывали вместе с Эстер еще в июле 1931 г. Там они осмотрели «наиболее древние буддийские места», например пещеру, в которой, по рассказам лахульцев, незадолго до этого были найдены какие-то древние реликвии и рукописи, попавшие затем в руки местного правителя (вазира). У него-то Юрий вполне мог купить старинную монашескую чашу для подаяний, которая впоследствии «превратилась» в Чашу Будды. Но это, разумеется, не более чем мое предположение.

Остается лишь добавить, что Святослав Рерих в том же году изобразил Чашу Будды на одноименном полотне. Картина эта хранится ныне в Майсорском дворце в Майсоре (Индия). О местонахождении легендарной чаши нам ничего не известно.

⁹⁰ Высокий путь. Ч. 2. С. 417, 420, 422, 427.

РАЗРЫВ С РЕРИХАМИ

Новая попытка Рерихов вдохнуть жизнь в Великий План махатм при поддержке США потерпела фиаско. Маньчжурская экспедиция была остановлена Г. Уоллесом в июле 1935 г., после того как в газете «Чикаго Трибьюн» появилась скандальная заметка, обвинявшая Рериха в «политических интригах». В ней, в частности, говорилось о покупке Рерихом оружия у расквартированной в Тяньцзине американской пехотной части; о том, что экспедицию сопровождает «вооруженный конвой из белых русских казаков» и о ее «выдворении» с территории «марионеточного режима Маньчжоу-Го» японскими властями⁹¹. И действительно, собираясь в Тибет на поиски медицинских текстов в монастырских библиотеках, Рерих приобрел американское стрелковое оружие, вернее, уговорил офицера, заведовавшего американским оружейным складом в Тяньцзине, выдать ему безвозмездно, как руководителю экспедиции, снаряженной правительством США, 6 винтовок и 4 пистолета с боеприпасами⁹².

Район, в котором работала экспедиция Рериха, был крайне «неудобным» для США по политическим причинам. Американское руководство эпохи Ф.Д. Рузвельта не приветствовало экспансионистской политики Японии на Дальнем Востоке и не признало сконструированное японскими милитаристами марионеточное государство Маньчжоу-Го. Рерихи же и Уоллес, напротив, смотрели на Японию — империю Ниппон — как на потенциальную «союзницу» по причине ее неприкрытого антибольшевизма. Уже в первый день приезда Рериха в Америку 14 марта 1934 г. З. Лихтман записала в дневнике слова Н.К.: «Конечно, Япония на стороне дружбы, ибо *они единственные против большевиков*. Америка могла бы иметь первое место, но потеряла его из-за признания [СССР]»⁹³.

Заметка в «Чикаго Трибьюн» вызвала переполох в Вашингтоне. В результате Уоллес и Рузвельт поспешили отмежеваться от Рериха, посчитав, что его деятельность на Дальнем Востоке выходит за рамки данных ему полномочий и компрометирует американское правительство.

«Друг» Г. Уоллес решительно и бесповоротно разрывает отношения с Рерихами. Сперва он уведомил своего Гуру-Отца, что впредь будет получать послания Владык только через Л. Хорша, а не через Ф. Грант, как было до сих пор. А затем сообщил Матери (Е. Рерих), что прекращает контакты — «прямые или косвенные или каким-либо иным способом» — со всеми четырьмя Рерихами. Позднее Уоллес так объяснит причины своего разрыва с Н. Рерихом: «Я убежден, что интересы профессора Рериха простираются далеко за пределы Соединенных Штатов.

⁹¹ Цит. по кн.: В. А. Росов. Ук. соч. Кн. 2. С. 217–18.

⁹² Robert C. Williams. Russian Art and American Money, p. 140.

⁹³ З. Г. Фосдик. Мои Учителя. С. 609. Запись от 14 марта 1934.

Он интересуется беспокойными областями в Азии... Наблюдая, вплоть до лета 1935 г., за действиями профессора Рериха на Востоке и действиями его последователей в этой стране (т. е. США. — А. А.), я склоняюсь к выводу, что его последователи боготворят профессора Рериха и видят в нем некоего сверхчеловека. Они настроены решительно и не остановятся ни перед чем, чтобы помочь ему реализовать какую-то необычную фантазию Азиатской власти»⁹⁴.

Утрата Рерихом своих высоких покровителей в Вашингтоне совпала с расколом рериховского Круга. В июле 1935 г. Л. Хорш, вернувшись из Осло, где он вместе с Э. Лихтман хлопотал о присуждении Н. Рериху Нобелевской премии мира, неожиданно объявил на очередном собрании директоров Музея о нежелании продолжать деятельность этого учреждения, а также об устранении Н. Рериха от руководства. К Хоршу присоединились его жена Нетти, Эстер Лихтман и С. Ньюбергер (член совета директоров Музея, родственник Л. Хорша).

Почему Хорш столь решительно выступил против Рерихов? Неужели только из-за газетной заметки, «компрометирующей» правительство США? И почему Эстер, преданно служившая до тех пор Рерихам, в одночасье отвернулась от них?

В ее последнем дневнике мы находим черновик письма к чете Хоршей, Логвану и Поруме, который заслуживает того, чтобы мы процитировали его здесь:

“My dearest Nettie and Louis,

My blood boils reading my diaries — *the worst of them all together with NK and EI is Sina*. The word monster is very mild. How they could trust her after they themselves saw her monstrosity is beyond me.

In 1929 when I was there I told them that I do not believe in the Shafraan's visions and demonstrations because they were course, her gestures repulsive and that I did not believe that the Teacher considered our consciousness on such a low level as to impose on us the power of an illiterate woman who told me: Why does not NK pay for the mortgage on the Building”.

Already in 1929 I warned them about our oppressors. And previously to that sent them a warning cable to Urga.

Are (not) we lucky to have liberated ourselves (?)

Hope you are both well. I have wonderful eyesight and feel well. With all my love,

Esther”

(Мои дорогие Нетти и Луис,

Моя кровь закипает, когда я читаю свои дневники — хуже их всех вместе с Н. К. и Е. И. это Зина. Слово «чудовище» (по отношению к ней) было бы слишком мягким. Как они могли доверять ей, после того как сами видели ее чудовищность, не укладывается в моей голове.

⁹⁴ В. А. Росов. Ук. соч. С. 242.

В 1929 г. когда я была там (в Индии. — А.А.) я сказала им, что не верю видениям и демонстрациям Шафран, потому что они грубы, ее жесты отвратительны, и что я не верю, что Учитель считает наше сознание настолько неразвитым, чтобы навязывать нам власть (этой) малограмотной женщины, сказавшей мне: «Почему Н.К. не платит по закладной на [Мастер-]Билдинг?»

Уже в 1929 я предупредила их о наших угнетателях. А до этого послала им телеграмму с предупреждением в Ургу.

Не является ли удачей, что мы освободились?

Надеюсь, у вас все в порядке. Мои глаза прекрасно видят, и я чувствую себя хорошо. Со всей моей любовью, Эстер)

Что побудило Эстер говорить о «чудовищности» Зинаиды Лихтман? Значит ли это, что Радна явилась причиной какого-то конфликта между Рерихами и Л. Хоршем? Вполне возможно.

История раскола рериховского Круга кажется ясной и понятной, если смотреть на нее глазами Рерихов. Это очевидное «предательство» и даже больше, «апостазия», то есть вероотступничество трех главных сотрудников, которых Е.И. еще недавно называла «мои огненные воины». Эта история, однако, предстает перед нами совсем в ином свете, если взглянуть на нее с позиции Л. Хорша.

В своих воспоминаниях Л. Хорш обрушивает на Рерихов целый град упреков и называет их «духовными гангстерами» (spiritual gangsters), которые «выкачивали» из него деньги и никогда не благодарили за все его труды. По утверждению Хорша Н.К. Рерих был «позером» (a “show off”) — «он говорил мало и очень уклончиво и постоянно делал предсказания. Говорил о великом будущем, которое ожидает Америку, если она будет следовать его учению и идеям, полученным из высочайших источников. Его главный интерес состоял в том, чтобы иметь музей, названный его именем, широкую известность и продавать свои картины. Он хотел, чтобы все считали его великим лидером. Многих людей поражала его необычная внешность, и он пытался гипнотизировать людей. Он был достаточно ловок, чтобы постоянно говорить о великом будущем, которое выпадет на долю каждого, кто примет его учение и последует за ним. Он постоянно обещал и без особого труда раскрывал людям их прошлые «воплощения». Он хотел, чтобы люди платили ему деньги и отдавали свое время его планам. Если какой-то многообещающий кандидат появлялся на горизонте, он представлял его Мадам Рерих, которая знала, как его обработать. Она говорила о Мадам Блаватской, теософских учителях и великих духовных учителях Востока, с которыми она находилась в контакте и которые направляли ее посредством сеансов, проводившихся у нее дома. Послания от них приходили в виде “стуков в столе” и “автоматического

письма»⁹⁵. Столь же негативно Хорш отзывался и о З. Лихтман и Фр. Грант. Последнюю, между прочим, он обвиняет в том, что она продала письма Г. Уоллеса к Н. Рериху (так называемые «Письма к Гуру», «The Guru Letters», 1933–1934) газетному магнату Херсту. Эти письма затем (в 1948–1950 гг.) были обнародованы журналистом Вестбруком Пеглером, что вызвало политический скандал и сильно повредило репутации Уоллеса как кандидата в президенты США.

О сути самого конфликта с Рерихами Хорш пишет очень мало и объясняет его в основном политическими интригами Рериха. В частности, утверждает, что Рерих собирался «аннексировать Сибирь для Японии», проявлял политическую активность в Маньчжурии и наградил медалью императора Манчжоу-Го. Сообщение «Чикаго Трибьюн» о мнимой высылке отряда Рериха из Маньчжурии сыграло роль детонатора в истории разрыва Хорша с Рерихами: «... Как только мы услышали об этом, я и Нетти решили порвать с Рерихами и его окружением. Я посетил Уоллеса и сообщил ему все, что знал о Рерихе. Он немедленно телеграфировал Рериху и отозвал его из экспедиции. Я также посетил Стенли Хорнбека из Госдепа и рассказал ему обо всем».

30 июля 1935 г. Л. Хорш написал письмо Е. Рерих — от своего имени и от имени жены и Э. Лихтман, в котором попытался объяснить с Матерью начистоту. Это письмо наполнено горечью и обидой на Рерихов. Хорш бросает им упрек в фаворитизме — явном покровительстве своим сыновьям и особо приближенным сотрудникам. В Круге, утверждал он, в действительности никогда не существовало единства, а царили «ненависть, интриги, ревность и несправедливость». Несмотря на преданную службу Рерихам в течение многих лет, когда он финансировал их проекты и содержал их сыновей, они не удостоили его благодарности, а, напротив, обвинили в банкротстве Учреждений. Хотя эти учреждения — корпорации Панкосмос, Белуха и Ур и издательства «Алатас» и «Новый Синдикат» — были созданы и управлялись самим Рерихами. Парируя обвинения Е. И. в том, что эти банкротства произошли из-за его «пренебрежения Иерархией» и «непонимания ее основ», Хорш отмечал: «... Более 13 лет мы служили вам и проф. Рериху и почитали это имя в наших делах и поступках. Мы не только отдавали нашу энергию и преданность служению Иерархии, но я также отдал все свое личное состояние — \$1.250.000 на дело, носящее ваше имя. Я не остановился на этом, залез в долги и расстроил свое финансовое положение во имя той же самой цели утверждения имени Рериха и служения Иерархии».

Стоимость Мастер-Института, писал далее Хорш, значительно увеличилась из-за «помпезных требований» и постоянного вмешательства старшего Рериха и других сотрудников, как-то: желания Н. К. во чтобы то ни стало увенчать Дом Учителя буддийской ступой. Рерих также тре-

⁹⁵ Amherst Centre for Russian Culture. Op.cit. (см. прим. 3).

бовал расширения деятельности Учреждений за счет средств держателей бондов (облигаций), против чего решительно возражал Хорш, которого Рерихи тут же заклеили как «разрушителя культуры». Наконец, Вашингтонская конвенция, на которой был подписан знаменитый Пакт Мира, выдвинутый Рерихом. Идея ее проведения именно в Вашингтоне, а не в Нью-Йорке, на чем первоначально настаивал Н. К., принадлежала Э. Лихтман, которую поддержали Хорши. В Нью-Йорке, считал Хорш, конвенция не привлекла бы столько дипломатов и высокопоставленных особ и стала бы «местным событием». В результате вся слава досталась Рериху, а между тем, «если бы не наши беспрестанные усилия и борьба с сотрудниками, то имя Рериха не было бы упомянуто в Пакте».

Заканчивалось письмо следующей красноречивой фразой: «Если, как вы говорите, исключительно благодаря вам мы приблизились к Владыке, то в таком случае на вас лежит величайшая ответственность и обязанность проявлять высочайшие принципы справедливости и правдивости в отношении ваших духовных учеников, преданно служивших вам в течение 13 лет. Для духовного учителя кровные узы и семейные связи не должны преобладать над духовными отношениями»⁹⁶.

В основе разрыва Хорша с Рерихами, очевидно, лежали две причины — материальная и духовная. Претензии Хорша-финансиста обращены главным образом к Николаю Константиновичу, а Хорша-агнийога — к Елене Ивановне. И в том и в другом случаях они кажутся вполне обоснованными, с точки зрения Хорша. Вложив огромные средства в различные рериховские проекты, Хорш не только не получил прибыли, но и оказался на грани банкротства. В этой ситуации, естественно, он хотел вернуть свои деньги хотя бы частично, для чего и предъявил Рериху иск на 200 тысяч долларов. В то же время в его письме сквозит явное разочарование духовным руководством Е. Рерих.

Примечательно, что Логван выступил против Н. К. и Е. И. только после того, как он и Ояна установили свой собственный канал связи с Учителями — стали получать от них «мессажи» методом автоматического письма и, главное, передавать эти послания в Вашингтон Уоллесу и Рузвельту, без ведома и согласия Елены Ивановны. Это, естественно, вызвало негодование у Матери Агни Йоги, поскольку ее тщательно оберегаемая монополия на общение с потусторонними Владыками была таким образом подорвана. Впервые за 14 лет у Е. Рерих появились конкуренты среди «своих». В письме Рузвельту от 12 декабря 1935 г. она писала: «Поддавшись жадности и амбициям, они (Л. Хорш и Э. Лихтман. — А. А.) нарушили святое доверие и передали Вам в апреле свой собственный совет относительно некоторых финансовых вопросов (серебро), выдавая его как исходящий через меня из Истинного Источника. Этот Источник предупредил меня о совершенном

⁹⁶ Amherst Centre for Russian Culture. Op.cit. (см. прим. 3).

предательстве, и мне было приказано запросить их: оба они признались мне письменно, что передали Вам свои собственные послания, выдавая их за те, которые шли из Истинного Источника»⁹⁷.

Ответа на это письмо Е. И. не получила.

Э. Лихман, как мы узнаем из ее дневников, стала контактировать напрямую с астральным учителем в Кулу в 1929 году, и Е. Рерих всячески одобряла и поощряла эти контакты постольку, поскольку они происходили под ее контролем. Однако, когда Эстер стала «общаться» с Морией самостоятельно и передавать его послания в Вашингтон, это вызвало взрыв негодования у Е. И. и ... у того же самого Мории! Невероятный парадокс!

Вообще Учителям Рерихов можно предъявить немало претензий. Почему они допустили «предательство» Хорша? Почему не препятствовали захвату коллекции картин Рериха и не помогли Рерихам в ходе инициированного ими судебного разбирательства? Вопросы эти, впрочем, излишни — дальше советов, увещаний и призывов махатмы никогда не шли. И потому никакой ответственности за «предательство Хорша», с точки зрения Рерихов, не несут. Да и можно ли вообще предъявлять какие-либо претензии к астральным — «космическим» — учителям? А между тем до раскола они всячески одобряли деятельность «троицы» (Логван, Порума, Ояна) и приветствовали их союз как единение ближайших сподвижников Рерихов. В одном из писем Кругу в мае 1934 г. Е. И. писала, что Владыка «рад явлению единения, которое сплотило Поруму, Логвана и Свидетельницу. Именно Иерархия сплотила сердца»⁹⁸.

Отношение Е. Рерих к Эстер, кому она еще недавно расточала всевозможные похвалы и кого называла своей духовной сестрой и Огненным человечком, резко и бесповоротно изменилось после раскола Круга. В письмах Е. И. к сотрудникам 2-й половины 1935 года Эстер превратилась в безымянную «белокурую особу», лицемерную и лживую. Е. И. в одночасье забыла все то хорошее, что сделала для нее Ояна, как она оберегала и охраняла ее в Кулу, как помогала ей переводить книги Агни-Йоги и ее велеречивые послания Кругу, как выступала «адвокатом» Рерихов перед индийским правительством, как настойчиво продвигала в Америке и Европе Пакт Рериха. Все это мгновенно забылось. Началась дискредитация Эстер задним числом. Так, в письме от 4 октября 1935 г., Е. Рерих утверждает, что во время первого пребывания Эстер

⁹⁷ Е. И. Рерих. Письма в Америку. Т. 1. С. 451. В. А. Росов дает иной перевод этого отрывка, см.: В. А. Росов. Ук. соч. Кн. 2. С. 258. Речь идет о письме Е. И. Рерих Рузвельту от 15 апреля 1935, к которому Эстер самостоятельно добавила принятое ею «послание» Учителя, касающееся финансово-экономической ситуации в Китае. Впервые опубликовано в сб.: Мир через Культуру. Ежегодник. М., 1990. С. 118. См. также: Е. И. Рерих. Письма в Америку. Там же. С. 410.

⁹⁸ Е. И. Рерих. Письма в Америку. Т. 1. С. 193. Письмо датировано 24 мая 1934.

в Кулу она диктовала ей страницы Учения, «не подлежащие еще опубликованию». Эти записи Эстер якобы тут же переводила на английский язык и переписывала в «особую тетрадь», которая впоследствии оказалась в «ярких руках» другой предательницы, Порумы⁹⁹. Удивительно, но в дневниках самой Эстер о каких-то «диктовках» Учения ничего не говорится, а упоминаются только темы духовных бесед с Е. И. и дается их беглый пересказ. В другом письме Е. Рерих рассказывает об эпизоде, происшедшем в феврале 1931 г. Ояна получила письмо от своего брата Мориса из Нью-Йорка, в котором он сообщал о крахе банка, где лежали ее сбережения. Известие это, по словам Е. И., «потрясло» Ояну:

«Мы с Н. К. старались ее успокоить и подбодрить. Немного погодя, когда она пришла ко мне и снова начала говорить о своей потере, я заметила ей, что нам, приближенным к Вл [адыке], непристойно так уж печаловаться о потере денег. Все, что нам нужно, посылается. (Очевидный намек на ежемесячно посылаемую Елене Ивановне из Нью-Йорка Радной и Авирахом субсидию на пропитание в размере 900–1000 долларов. — А. А.) На это она ответила: «Владыка где-то далеко, а нам всем придется кончать жизнь в роог house». Помню, как больно резанула меня эта фраза и как остро почувствовала я, что, действительно, Владыка для нее «где-то далеко». С этого момента началось постепенное отчуждение. Так было положено начало порывания нитей в конце первого ее пребывания в Ашраме. Вероятно, мысль о роог house не оставила ее и настолько укрепилась в мозгу, что она решила принять все меры, чтобы обеспечить себя»¹⁰⁰.

Надо сказать, что этот эпизод также не нашел отражения в дневнике Эстер. А ведь должен был бы, если она так сокрушалась о своей потере.

В целом о Рерихах — всех четырех — Эстер пишет в дневниках с исключительной теплотой и любовью, почти фанатичной. Она не замечает в них никаких изъянов или недостатков, словно они существа высшего порядка. Лишь в одной записи (7 мая 1934 г.) неожиданно проскальзывает упрек в адрес Юрия, который «злословит» о ней за ее спиной. После чего следуют слова: «There's more division in the circle than ever before» (В Круге теперь больше раздоров, чем когда-либо).¹⁰¹

Эта запись с ее недосказанностью и какими-то неясными намеками весьма красноречива. В рериховском Круге с самого начала не было единства и подлинного, братского сотрудничества, того, к чему постоянно призывали Рерихи. Примечательно, что, прощаясь с Эстер в Кулу летом 1931 г., Н. К. дал ей особое поручение — объединить Круг, но она с ним явно не справилась.

⁹⁹ Е. И. Рерих. Письма в Америку. Т. I. С. 427.

¹⁰⁰ Там же. С. 446. Письмо Зине, Модре и Авираху от 15 октября 1935.

¹⁰¹ Дневник ЭЛ № 9. С. 41. Запись от 7 мая 1934.

В одной из записей Эстер в последнем дневнике мы читаем: «Had a beautiful talk with Beloved Mother about the past and unity. It was She who was the magnet around whom we all aggregated therefore we had a circle — no other power kept us together but She. As soon as She departed for Asia, the distorted actions of some of the members of the Circle started, and Shafr [an] proclaimed herself priestess and Sina dictator — there could be no unity and there was none for all these 12 years». (Имела прекрасную беседу с Возлюбленной Матерью о прошлом и о единстве. Именно Она была магнитом, вокруг которого собрались все мы, поэтому и возник Круг — никакая другая сила не могла удерживать нас вместе, кроме нее. Как только Она уехала в Азию, начались извращенные действия некоторых членов Круга, Шафр [ан] объявила себя жрицей, а Зина диктатором — не могло быть никакого единства и его не было все эти 12 лет)¹⁰².

А вот отрывок из письма Елены Ивановны к сотрудникам, написанного несколько месяцев спустя:

«Мне так тяжело думать, что все остается по-старому и снова что-то недостойное произошло, что вызвало *Окрик* Самого Вл [адыки]. Когда же начнем мы сознательную жизнь?! <...> И какое же *водительство* возможно, когда мы не умеем *руководить* собою? Как ужасно, если *сотрудники* и *ученики* усмотрят и убедятся окончательно в *несостоятельности* руководителя. Ведь *руководитель* должен являть *пример* Учения на своей жизни, иначе *водительство* является *насмешкой* и *жалкой карикатурой*»¹⁰³.

Хорши и Эстер были не единственными учениками, разуверившимися в Рерихах. Четыре года спустя Рерихов покинули еще двое близких сотрудников — харбинец П. А. Чистяков и В. А. Шибаев, многолетний личный секретарь Николая Константиновича. После ссоры с Рерихом, Шибаев вернул книги Учения Елене Ивановне и уехал в Европу. Покинут Рерихов и их парижские сотрудники — М. Во де Фалипо и М. А. Таубе.

О дальнейшей жизни Эстер мы знаем крайне мало. Известно, например, что она и Луис Хорш длительное время поддерживали личные отношения с Рузвельтом. В начале 1936 г. они дважды посещали Белый Дом, беседовали с американским президентом. В ходе разговоров, естественно, всплывала рериховская тема. Так, во время визита 15 января Эстер привела несколько примеров «вмешательства» Н. К. Рериха (Патриарха) в большую политику — от имени американского правительства.

В частности, она упомянула о «25 миллионах, которые он хотел получить от японцев на ведение подрывной работы»¹⁰⁴. Через две недели (28 января) во время нового визита к президенту Хорш и Э. Лихтман

¹⁰² дневник ЭЛ №9. С. 29. Запись от 26 марта 1934.

¹⁰³ Е. И. Рерих. Письма в Америку. С. 276–277. Письмо от 12 августа 1934.

¹⁰⁴ В. А. Росов. Указ. соч. Кн. 2. С. 252.

вновь заговорили о Патриархе — «о тех 25 миллионах долларов, которые он хотел получить от Патронов, о заигрываниях с Родств [ениками] (большевиками), заигрываниях со всеми правительствами; о том, что Ам [ерика] должна признать Маньч [журию]...»¹⁰⁵.

Насколько правдиво утверждение Эстер о миллионах, которые Н. Рерих якобы пытался получить от японцев, трудно сказать. Однако ведь за чем-то Н. К. встречался в Токио с Тейджи Цубоками, членом японского правительства, отвечавшего за ведение пропаганды в Маньчжурии. Впрочем, дать окончательный ответ на вопрос, какую игру вел Н. К. Рерих с высокопоставленными японскими чиновниками во время поездки в Токио в мае 1934 г., могут только японские архивы.

В. А. Росов в своей монографии о Н. К. Рерихе приводит одно из писем Э. Лихтман к Рузвельту, датированное 29 апреля 1942 г. В нем мы с удивлением находим новые нападки Эстер на Фрэнсис Грант и на своего бывшего Гуру, что красноречиво свидетельствует о том, что разрыв с Рерихами не был до конца пережит ею. Так, она обвиняет свою бывшую подругу в проведении «антирузвельтовской антиправительственной пропаганды» во время турне по Южной Америке. Досталось в письме и самому Н. К. Рериху:

«Находясь в Индии, Рерих, несомненно, что-то замышляет. До нас дошли слухи о том, что за несколько дней до событий в Пирл-Харборе в одной из русских газет появилась статья, написанная Рерихом, в которой он поощрял действия Японии, оккупировавшей Маньчжурию. Примерно тогда же, когда мы разорвали наши с Рерихом отношения, он выступал за то, чтобы Япония захватила Сибирь, и тогда он бы сделался «белым царем»... Британские власти в Индии, а также наши представители, должны быть в курсе его деятельности»¹⁰⁶.

Из этого же письма мы узнаем и некоторые подробности личной жизни Эстер. Она имеет небольшую ферму в Адирондаксе (на Северо-Западе США), где с увлечением занимается садоводством. Мечтает приехать в Вашингтон, чтобы преподнести любимому президенту корзину выращенной ею клубники: «Я вывела замечательный вид клубники. Поскольку я уверена, что ее вкус понравился бы даже королю, я бы хотела, чтобы несколько этих растений были и у Вас». Сам тон письма говорит о вполне дружественных отношениях Эстер с первым лицом американского государства. Любопытно и то, что в письме нет ни слова о новых посланиях Мории.

Э. Лихтман умерла в Норфолке (штат Коннектикут) в 1990 г. После смерти была кремирована, и ее прах ныне покоится на кладбище в городке Амхерст (Массачусетс), где проживает ее «вторая мать» Ориола Фешбах. По воспоминаниям О. Фешбах, относящимся к 1930-м гг.,

¹⁰⁵ В. А. Росов. Указ. соч. Кн. 2. С. 255.

¹⁰⁶ Цит. по: В. А. Росов. Указ. соч. Т. 2. С. 265.

Эстер была чудесной женщиной, очень доброй и веселой. Она проводила много времени с маленькой Ориолой, когда ее родителей не было дома — обучала ее садоводству, консервированию продуктов, учила играть на пианино и дарила пластинки. Таким образом, она привила девочке любовь к музыке. Внешне она была очень привлекательна и имела немало поклонников, однако замуж не вышла.

Дневники Э. Лихтман хранятся в семейном архиве Ориолы Фешбах. Они представляют собой девять отдельных тетрадей:

Тетрадь I. Book # 1. 19 февраля — 18 июня 1929. Первые 4 стр. не имеют пагинации. Далее следуют стр. 1–168. Все записи на русском языке.

Тетрадь II. Book # 2. 20 июня — 26 августа 1929. С. 1–156. Все записи на русском языке. Отдельно на 3-х листах по-английски: 1) запись от 4 авг. 1929 и 2) черновик письма Э. Лихтман Нети и Луису Хоршам, б/д.

Тетрадь III. Book # 3. 27 августа — 31 октября 1929. С. 1–209. Все записи по-русски.

Записи посланий Учителя американским сотрудникам. Август — 31 окт. 1928. Пагинация отсутствует. Всего 90 стр. (3 отдельных блока записей). Все записи по-английски.

Тетрадь IV. Book # 4. 1 ноября 1929–3 февраля 1930. С. 1–208. Все записи на русском языке кроме последней страницы, написанной по-английски.

Тетрадь V. Book # 5. 4 февраля — 10 июня 1930. С. 1–208. До 76 стр. записи по-русски, с 76 по 86 по-английски и по-русски, и далее только по-английски.

Тетрадь VI. Book # 6. 11 июня — 17 ноября 1930. С. 1–239. Все записи на английском языке. Тетрадь включает копии (рукописные и машинописные) писем Э. Лихтман и др. лиц.

Тетрадь VII. Book # 7. 18 ноября 1930–13 марта 1931. С. 1–148. По-английски. В конце обрыв текста. Приложены: машинописные копии 3 писем А. Е. Mahon и С. С. Garbett (1931). Одно из писем адресовано Н. К. Рериху.

Тетрадь VIII. Book # 8. Lahoul — Kyelang. 1–15 июля 1931. С. 1–17. По-английски.

Тетрадь IX. Diary Leaves, 1934. My second trip to the Himalayas. 13 февраля — 13 октября 1934. С. 1–71 + газетные вырезки (9). По-английски.

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность госпоже О. Фешбах за разрешение использовать в научных целях дневники Эстер Лихтман и предоставленные мне для публикации фотографии. А также немецкому исследователю Эрнсту фон Вальденфельсу за материалы из американских и индийских архивов, использованные в этой статье.